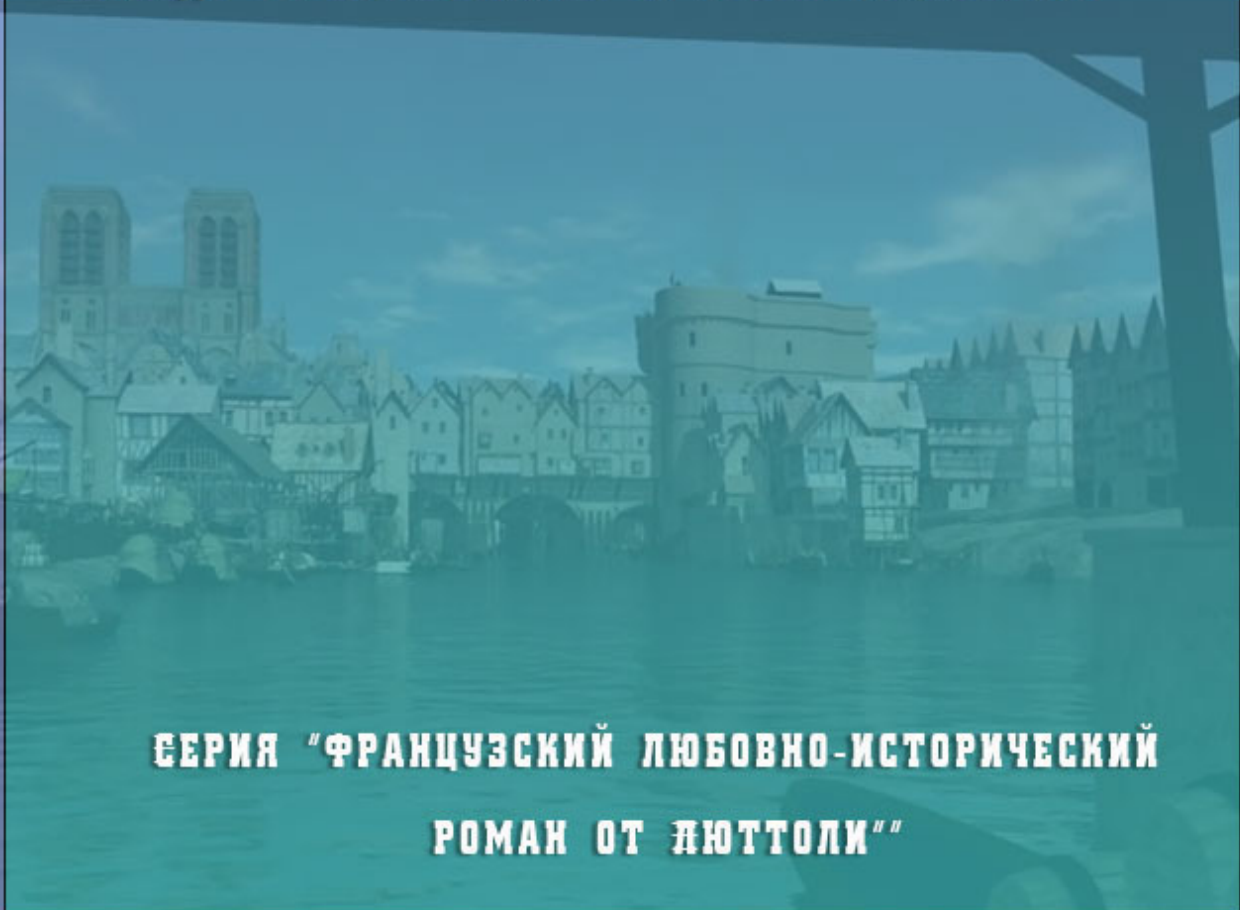

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

A detailed illustration of a medieval street scene, likely from a French town. The street is paved with cobblestones and lined with tall, half-timbered houses. In the background, a large, ornate Gothic church with multiple spires and a tall bell tower stands prominently. Small figures of people are visible on the street, adding a sense of scale and life to the scene.

Д'АРМАНЬЯКИ

УБИЙСТВО ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО
ПРИВОДИТ К КРОВАВОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ
МЕЖДУ АРМАНЬЯКАМИ И БУРИГИНЬОНАМИ

A detailed illustration of a medieval town situated along a body of water, possibly a river or a bay. The town features a mix of half-timbered houses and stone buildings. A large, prominent stone tower or castle structure is visible on the right side of the town. The water in the foreground is calm, reflecting the sky. The overall scene is set against a backdrop of a cloudy sky.

СЕРИЯ "ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН ОТ ЖЮТТОЛИ"

Французский любовно-исторический роман от Люттоли

Люттоли

Д'Арманьяки

«Агаджанов Людвиг Ашотович»

Люттоли

Д'Арманьяки / Люттоли — «Агаджанов Людвиг Ашотович»,
— (Французский любовно-исторический роман от Люттоли)

ISBN 978-5-903382-03-3

Книга основана на реальных исторических событиях. Париж. 1407 год. Король Франции безумен и не в состоянии править страной. Болезнь короля становится причиной беспощадной борьбы за трон. По приказу герцога Бургундского убит родной брат короля, герцог Орлеанский. Это убийство становится причиной кровавой войны между кланами «Бургундцев» и «Д'Арманьяков». Борьба между кланами завершается полной победой герцога Бургундского. Идёт повсеместное и полное избиение Д'Арманьяков. Триумф герцог Бургундского завершает казнь графа Д'Арманьяк и его двенадцатилетнего сына Филиппа. Палач спасает Филиппа. Спустя десять лет, Филипп соберёт под своими знамёнами новое поколение Д'Арманьяков и бросит вызов убийце своего отца, герцогу Бургундскому.

ISBN 978-5-903382-03-3

© Люттоли

© Агаджанов Людвиг Ашотович

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	32
Глава 10	43
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	54
Глава 14	59
Глава 15	63
Глава 16	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Луи Бриньон Д'Арманьяки

Глава 1

Любовник королевы Франции

Наше повествование начинается с 10 сентября 1407 года. Но, прежде чем начать наше повествование, бросим лёгкий взгляд на Париж.

В то время Париж был разделен на две части. Старый город и новый город.

Старый город по всему периметру окружала стена Филиппа Августа. Здесь находился центр Парижа, Собор Парижской Богоматери, университет Сорбонна, госпиталь, церковь святой Кaterины, аббатство святой Магноир и много других, не менее известных мест. В самой середине старого города протекала Сена. Через нее были переброшены три моста, соединяющие правый берег с левым.

Вторая стена, построенная Карлом V, охватила более обширную территорию. Она окольцовывала Париж, на западе заканчиваясь у берега Сены, возле Лувра, и соединялась малой стеной со старым городом. На востоке она также заканчивалась у берега Сены, недалеко от Бастилии, и соединялась со старым городом.

Первая внутренняя стена напоминала формой овал, вторая – незаконченный шестиугольник. Взобравшись на холм в близлежащих окрестностях Парижа, люди могли наблюдать полную картину лежавшего перед ними города, который своими формами весьма напоминал человеческое лицо со шляпой на голове. Шесть массивных ворот, у которых денно и нощно дежурила многочисленная стража, служили выездом и въездом из Парижа.

Вечером многочисленные узкие улицы Парижа погружались во мрак. Редкие светильники, прикрепленные на небольшой высоте к деревянным столбам, весьма слабо освещали ночной город. Он словно в одночасье вымирал, ибо горожане опасались выходить по ночам из домов по причине большого количества грабителей, промышлявших на улицах Парижа. Лишь городская стража, охранявшая покой горожан, разъезжала по ночным улицам. Они предупреждали о своем появлении громкими криками:

– Берегись, стража!

Если кто и бодрствовал, кроме стражи, так это священники. Они оставляли двери церквей открытыми и всякий желающий помолиться или раскаяться, а возможно просто почувствовать дуновение божественного проведения, мог прийти в надежде получить понимание и сочувствие.

Однако не все отсиживались по домам в эту ночь. Одиноким всадник, облаченный в богатые одежды и вооруженный мечом, неторопливо ехал по одной из улиц Парижа. На попоне золотыми нитками был вышит герб всадника – королевские лилии.

Герцог Орлеанский, а это был именно он, остановился возле двухстворчатых железных ворот с кованой резьбой, кои украшали вход во дворец Барбет, или как его еще называли, малыми покоями королевы. Герцог не стал заезжать во дворец с главного входа. Он обогнул дворец с левой стороны и, через несколько минут подъехал к неприметной на вид калитке. Когда герцог спешил, он услышал скрип отворяемой калитки. Обернувшись, он увидел молодую женщину, стоявшую в проеме двери. На ней было простенькое платье и незамысловатая накидка. В руках женщина держала горящий светильник.

Молодая женщина поклонилась герцогу Орлеанскому. В тишине прозвучал приглушённый голос.

– Ее величество ждет, ваше высочество!

Герцог Орлеанский привязал коня к дереву раскинувшему ветви совсем рядом с калиткой, а затем без излишних слов последовал за своей провожатой. Молодая женщина дождалась, когда герцог Орлеанский войдет внутрь. После этого она заперла калитку на засов и повела герцога по одной из аллей сада к зданию дворца. Пламя светильника освещало им путь. Они вошли во дворец, и сразу попали в длинный, безлюдный коридор. Молодая женщина провела герцога Орлеанского до конца коридора, в котором не было ни дверей, ни окон, и они оказались в тупике. Молодая женщина подошла к стоящей перед ними каменной стене, шириной не более чем в два шага, и уверенно нажала рукой на один из камней. Стена слева от нее открыла узкий проход к основанию крутой лестницы. Они поднялись по лестнице наверх и оказались на небольшой слабоосвещенной площадке с одной-единственной дверью. Здесь она оставила герцога Орлеанского одного и ушла. Герцог Орлеанский уверенно отворил дверь и вошел в покои королевы.

Везде царил полумрак, но даже он не умалял обстановки, царившей в комнате. Полы устилали мягкие ковры, на стенах меж канделябров висели картины, посередине стоял круглый стол с красивыми резными ножками. Он был уставлен яствами. Несколько богато украшенных резьбой кресел стояли возле стола. Но самой примечательной в комнате была кровать, широкая, с белоснежным пологом, покрытая шелковым постельным бельем. На ней лежала очень красивая полуобнаженная женщина в воздушном одеянии из тончайшего батиста. Пальцы женщины были унизаны перстнями из драгоценных металлов. Взгляд, как и обстановка комнаты, выражал некое таинственное обещание.

Отбросив шляпу и на ходу стаскивая перчатки с рук, герцог Орлеанский опустился на край кровати рядом с королевой. С неподражаемой грацией королева протянула руку, усыпанную кольцами. Герцог один за другим медленно перецеловал все ее изящные пальчики и при этом не сводил страстного взгляда с королевы. Королева недовольно сморщила лицо.

– От вас просто веет холодом, – в её словах одновременно зазвучали разочарование и кокетство.

– Оскорбляя меня, любовь моя, вы должны быть готовы к возможным последствиям.

Герцог Орлеанский сбросил одежду и бросился на королеву, впиваясь ей в губы.

– Уже лучше, – прошептала королева, – но недостаточно убедительно.

Её слова заставили герцога издать возглас негодования. Он стал покрывать тело королевы быстрыми поцелуями. Не желая дольше терпеть, королева прижала двумя руками голову герцога к груди.

Любовные игры королевы и герцога Орлеанского продолжались более двух часов. Когда они, наконец, насытились плотскими утехами, обнажённая королева осталась нежиться в постели, а герцог Орлеанский, всегда испытывающий голод после занятий любовью с королевой, незамедлительно уселся за заранее приготовленный для него стол, на котором лежал обильный ужин и бутылка вина.

Герцог Орлеанский отдал должное и ужину и прекрасному вину. Пока он поглощал пищу, королева из – под опущенных ресниц следила за ним. Едваждавшись, когда герцог Орлеанский покончит с ужином, королева деланно-равнодушным тоном произнесла:

– Знаете кузен, я видела утром его величество во дворце Сен-Поль!

Слова королевы прозвучали весьма неуместно. Герцог Орлеанский слыл человеком щепетильным, и не любил, когда королева упоминала о короле во время любовных встреч, тем самым напоминая ему, что его любовница ни кто иная как супруга его собственного брата. Притворившись, будто слова королевы ничуть не задели его, герцог равнодушно поинтересовался:

– Как чувствует себя мой венценосный брат?

– Отвратительно! Он вновь пытался избить меня, как сделал это в прошлый раз, – пожаловалась королева, – слава богу, ему не позволили сделать это.

– И кто же посмел воспротивиться моему брату? – герцог Орлеанский задал вопрос с искренним удивлением.

– Эта девица... Де Одиер. Король в последнее время только её и допускает к себе. Терпеть не могу эту девицу, – королева поморщилась, – король назвал меня шлюхой, а Дофина – ублюдком. Он заявил, что кроме Екатерины у него нет детей. Бедный мальчик, он присутствовал там и слышал все слова, которыми поносил его король. Дофин с такой ненавистью смотрел на меня, что мне стало не по себе. Дофин даже не пытается скрывать свою ненависть ко мне. Я даже думать боюсь о том, как он со мной поступит, когда наследует престол Франции.

– Не принимайте близко к сердцу, любовь моя, – посоветовал герцог Орлеанский, – Дофину всего шесть лет. С возрастом он изменится.

– Не думаю, мой друг, – возразила королева, – Дофин уже в столь юном возрасте определил отношение к своему окружению. Знаете ли вы, кузен, кем он восхищается? Графом Д'Арманьяк.

– Что же в этом странного любовь моя? – удивился герцог Орлеанский, – граф Д'Арманьякодин из достойнейших людей, которых я когда-либо знал. Он честен, храбр, великодушен и многие почитают за честь дружбу с ним, в том числе и ваш покорный слуга.

Будь герцог Орлеанский повнимательней, он бы заметил, как недовольно нахмурились королева. Некоторое время после слов герцога Орлеанского королева словно раздумывала. У неё был вид человека, который не знает, стоит ли говорить слова, которые она всё же произнесла:

– Вы, наверное, не слышали, какие нелюбезные слова произнёс в мой адрес граф? Знаете ли вы, что он себе позволил? Граф прилюдно назвал меня «похотливой стервой, готовой затащить в постель любого». Он сказал, что голова короля не в состоянии уместить количество рогов, которые, я ему поставила. Так же он обозвал меня... я даже не хочу повторять эти отвратительные слова и добавил, что я приношу Франции больше вреда, чем принесла битва при Кресси, – приняв оскорблённый вид, королева продолжала гневным голосом, – графу нет оправдания, ибо вся Франция знает, что меня не интересует политика. Я не вмешиваюсь в дела моего супруга и вовсе не намерена терпеть наглые и бесцеремонные выпады графа.

В эту минуту герцог Орлеанский совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы обрушиться с гневной тирадой на недопустимое поведение графа, чего и ожидала от него королева, он лишь равнодушно пожал плечами.

– Граф и мне высказывает в лицо всё что думает. Ему не нравится наша связь и дело вовсе не в том, что я женат на его сестре. Граф считает нашу связь неприемлемой и богопротивной. Он честен и не выносит ухищрений, к которым склонны другие.

– Иными словами кузен, вы намерены спустить ему с рук слова, которые были сказаны в мой адрес? Он поливал меня нечистотами, а вы принимаете это как должное? – в голосе королевы прозвучала скрытая ненависть, которая укрылась от герцога Орлеанского.

– Отнюдь любовь моя, – возразил Герцог Орлеанский, – я непременно отправлюсь в Осер и поговорю с графом.

– Будет ли он наказан?

– Не забывайте любовь моя, граф один из двенадцати нотаблей входящий в королевский совет. И только королевский совет в полном составе может вынести ему наказание.

– Как всегда вы правы кузен, – королева натянуто улыбнулась и тут же испутив тяжёлый вздох приложила ладонь внешней стороной ко лбу, – кажется опять начинается мигрень – пожаловалась королева. Надеюсь, вы меня простите?!

– Любовь моя, – герцог Орлеанский подошёл к королеве и легко поцеловал в губы, – я провёл чудесные мгновения рядом с вами и желал бы продлить их, но, поскольку вам нездоровится, мне придётся откланяться.

Претворяя слова в действия, герцог Орлеанский поклонился, взял шляпу, перчатки и вышел. Королева долгое время с откровенной злобой смотрела на дверь, через которую он вышел. Затем, громко позвала служанку.

– Жюли!

Преданная служанка королевы немедленно явилась на зов. Королева встала с постели, подставляя своё обнажённое тело под проворные руки Жюли, которая в течение следующей четверти часа одела и причесала королеву. Едва туалет королевы был закончен, как вновь прозвучал повелительный голос;

– Никола Фламелья ...я хочу видеть его сию минуту.

– Мадам! – Жюли покинула опочивальню королевы и вскоре вернулась в сопровождении немолодого мужчины, одетого в серую одежду. Мужчина был высок и худощав с выступающими скулами на лице.

Оставив его наедине с королевой, Жюли удалилась.

Не сводя взгляда со своего астролога, королева задала вопрос.

– Что говорят звёзды сударь?

– То же что и в прошлый раз, – с поклоном ответил астролог, – они предвещают смерть герцогу Орлеанскому в эту ночь!

– Твоё предсказание не может быть ошибочным?

– Нет, моя королева!

– Ну что ж, – королева зловеще усмехнулась, – не нам простым смертным мешать божественному проведению.

Глава 2

Убийство

Возвращаясь, домой, герцог Орлеанский раздумывал над словами королевы. Все прекрасно знали, что из себя представляет королева, но открыто никто не высказывался за исключением короля, который имел на то право и графа д, Арманьяка.

Следует поговорить с ним, – подумал герцог Орлеанский. Однако при всей своей решимости обуздать графа, он не был уверен в положительном исходе разговора. Ему прекрасно была известна особенная черта характера графа. Граф никогда не отказывался от своих слов. В общем – то, именно это качество внушало уважение к графу. Как бы то ни было, герцог не собирался доводить дело до ссоры. Они с графом Д,Арманьякявлялись не только родственниками, но и единомышленниками.

По привычке герцог стал напевать какую-то песенку. На пути домой он почти не встречал прохожих. Время было позднее, за полночь. Лишь раз ему навстречу попался отряд стражников из шести человек. Они следовали по улицам Парижа с горящими факелами. Узнав герцога Орлеанского, они почтительно приветствовали его высочество. В ответ герцог Орлеанский благосклонно улыбнулся и спокойно продолжил путь домой.

Герцог Орлеанский свернул на старую храмовую улицу. Когда до дома оставалось не более двухсот шагов, он заметил четверых прохожих, которые двигались со стороны его дома по направлению к нему. Герцог Орлеанский почти не придавал значения этому обстоятельству. Он почти поравнялся с ними, когда услышал топот ног за своей спиной. Герцог Орлеанский обернулся через плечо и увидел, как четверо незнакомых людей бежали за ним следом. Думая, что это грабители герцог Орлеанский прищипорил коня, но он опоздал. Его схватили те четверо, что находились перед ним. Лошадь, рванувшись, ускакала, оставляя герцога Орлеанского в руках грабителей. Восемь человек одновременно схватили его и, прижали спиной к стене.

– Я герцог Орлеанский! – громко сказал брат короля Франции. – Уберите прочь от меня свои грязные руки!

В темноте засверкали лезвия кинжалов. А следом раздались роковые для Герцога Орлеанского слова:

– Герцог Бургундский просил передать поклон!

– А, а... – герцог Орлеанский мгновенно побледнел, – так вы убийцы...

Больше он ничего не успел сказать. Восемь рук с кинжалами замелькали в воздухе, поочередно втыкая смертоносные лезвия в тело герцога Орлеанского. Кровь брызнула во все стороны. В течение одной минуты было нанесено не менее четырёх десятков ударов. Убедившись, что герцог Орлеанский мёртв, они бросили сына Карла V и брата Карла VI в луже его собственной крови, как последнего смерда.

– Расходимся братья, – тихо сказал один из убийц, тот, который говорил с герцогом Орлеанским. – Дело сделано, наш враг мёртв.

Все убийцы одновременно подняли левую руку. Тремя растопыренными пальцами, большим, указательным и средним они очертили перед собой круг и тотчас растворились в ночных, улицах Парижа.

Через четверть часа в двух кварталах от старой Храмовой улицы, в невзрачный с виду дом вошёл одинокий прохожий, закутанный в плащ. В доме находились не менее двух десятков вооружённых людей. Они молча пропустили незнакомца. Не останавливаясь, ночной гость направился к угловой комнате находящийся в конце коридора. При его появлении мужчина

средних лет в богато украшенной одежде вскочил со своего места. Всем своим видом он изображал вопрос.

– Он мёртв, монсеньор!

Герцог Бургундский порывисто обнял человека, сообщившего ему эту радостную новость.

– Ты будешь щедро вознаграждён Лануа! – пообещал ему герцог Бургундский, – ты избавил меня от опасного врага.

Гилберт де Лануа поклонился.

– Нельзя медлить монсеньор! Не забывайте, у вас остался ещё один враг, много опаснее герцога Орлеанского. Если он заподозрит вас в смерти герцога Орлеанского, может произойти несчастье.

– Проклятые Д,Арманьяки! – Герцог Бургундский произнёс последнее слово так, словно выплёвывал его. – Тот день, когда я избавлюсь от них, станет днём моего величия.

– Положитесь на меня, монсеньор, и не медлите более. Скоро весь Париж узнает о том, что произошло. Я останусь в Париже, и буду постоянно докладывать вам о происходящих событиях.

– Мой верный друг!

Герцог Бургундский пожал ему руку и вышел. Через несколько минут герцог Бургундский в сопровождении двух десятков рыцарей уже покидал дом. Убедившись, что герцог Бургундский уехал, Гилберт де Лануа сел за стол, где лежали письменные принадлежности. Взяв чистый лист бумаги, он обмакнул перо в чернильницу и начал быстро писать.

«Монсеньор! Невольно я подслушал разговор герцога Бургундского с человеком, чье имя мне не известно. В разговоре речь шла об убийстве герцога Орлеанского. Вначале я не придавал значения услышанному, но узнав, что герцога Орлеанского подло убили, я принял решение немедленно сообщить вам о некоторых подробностях подслушанного мной разговора. Герцог Бургундский сказал: «Убейте герцога ночью, когда он будет возвращаться от королевы!» Я не могу назвать вам свое имя по причине опасения за свою жизнь, но скажу, что являюсь лицом, приближенным к герцогу Бургундскому. Вы – единственный человек, способный покарать убийцу. Именно это обстоятельство заставило меня обратиться к вам.

Ваш преданный слуга!

P.S. Если монсеньор сомневается в искренности моих слов, сообщая вам, что в настоящий момент герцог Бургундский покинул Париж и направляется во Фландрию».

Гилберт де Лануа сложил письмо и написал сверху: «Лично в руки графа Д,Арманьяк».

– Вот и свершилось, – пробормотал Гилберт де Лануа, засовывая письмо в карман. – Только чудо способно остановить войну между герцогом Бургундским и Д,Арманьяками.

Глава 3

Орден Лионских бедняков

Не прошло и часа с момента отъезда герцога Бургундского, как дом покинул и Гилберт де Лануа. Едва оказавшись на улице, он плотнее укутался в плащ. До него донеслись крики взбодораженных горожан. Из чего он заключил, что тело герцога Орлеанского обнаружено.

После получаса ходьбы, он миновал стену Филиппа Августа, окружающую старый город кольцом. На пути попадались несколько раз конные стражники, в смятении спешившие к старой Храмовой улице. Лануа не обращал на них никакого внимания, впрочем, как и они на него. Он целенаправленно двигался в сторону кладбища «Невинно убиенных младенцев». У входа на кладбище, под аркой валялся нищий. Лануа перешагнул через него, при этом настороженно оглядываясь по сторонам. Улица была совершенно пустынной, не считая нищего и легкого ветерка, с шелестом кружившего опавшую листву. Внутри кладбища, слева от входа, была расположена целая галерея картин, на которых были изображены все сословия французского королевства. Начиная от папы римского, короля Франции, дворянства, духовенства и заканчивая крестьянами и ремесленниками. Лануа крадучись двинулся по узкому проходу между галерей и могилами. Чуть ли не ежеминутно Лануа останавливался, прислушиваясь к черной темноте мрачного кладбища. Не услышав ничего подозрительного, Лануа продолжал свой путь. Так продолжалось довольно долго. Он успел дважды обойти кладбище, твердо убедившись, что опасности нет. Лануа подошел к одноименной могиле, которая находилась где-то посередине кладбища. На надгробии были выведены четыре слова латинскими буквами: «Верному сыну от Анатас!». Рядом с надгробием возвышался крест. Лануа ухватился двумя руками за него и, сделав небольшое усилие, начал поворачивать. Крест начал поворачиваться против часовой стрелки. Могила со скрипом сдвинулась на несколько футов в сторону, открывая перед Лануа, слабо освещенную лестницу, уходящую далеко под землю. Спустившись вниз ровно на шесть ступенек, Лануа нащупал скрытую пружину, которая служила механизмом открытия и закрытия прохода изнутри. Лануа нажал её. Механизм вновь пришёл в действие, могила над головой Лануа сомкнулась вновь на прежнем месте. Лануа миновал не менее ста ступенек, прежде чем оказался в холодных и сырых сводах подземелья. Лануа невольно вздрогнул, когда перед ним возник словно ниоткуда, человек в монашеской рясе с надвинутым на лицо капюшоном.

— Отец Вальдес ждёт тебя!

Не ожидая ответа, монах направился по одному из четырёх коридоров подземелья. Факелы на стенах смутно освещали им путь отбрасывая призрачные тени на стены подземелья. Монах двигался уверенно, видимо прекрасно разбираясь в лабиринтах подземелья. Лануа торопливо двигался за монахом. Вот они вошли в одну комнату с овальными каменными сводами, в которой не было другого выхода за исключением того, через который они только что вошли. Монах приблизился к стене. Лануа не видел действий монаха, но стена, словно по волшебству отворилась перед ними. Они оказались в длинном подземном коридоре, вдоль которого вились ряд замысловатых арок поддерживаемые тонкими каменными колоннами. Достигнув конца коридора, они попали в просторный зал. Посередине стоял колодец наполненный водой. Монах сунул руку в воду и сразу после этого вода в колодце начала убывать, открывая взгляду Лануа небольшую лестницу. Через минуту вода ушла настолько, что боковой проход, вырубленный в стене колодца, оказался свободным от воды. Лануа вслед за монахом спустился в колодец. Пройдя по боковому проходу, они достигли подножья другой лестницы, по которой забрались наверх. Комната была точь в точь такой же, как и предыдущая. Когда они вышли из

второго колодца, монах снова привёл в действие механизм, наполняя колодец водой. Пройдя две небольшие, но совершенно пустынные комнаты, они попали в огромный зал с каменными колоннами, на которых висели зажжённые факелы. Посередине зала стоял длинный узкий стол. Во главе стола, на высоком деревянном стуле восседал старец с длинными седыми волосами. Правой костлявой рукой он поглаживал голову карлицы, уродливый как сам старец. Карлица, оскалив кривые зубы, без стеснения рассматривала Гилберта де Лануа. Двое монахов выглядевшие в точности как проводник Лануа, стояли за спиной старца. Скрестив руки, они из – под надвинутых на лицо капюшонов пристально наблюдали за происходящим в зале.

Стеклянный взгляд старца впился в Гилберта де Лануа. Он оторвал руку от головы карлицы и протянул её в сторону Лануа. Лануа поспешно бросился на колени перед старцем и с благоговением поцеловал протянутую руку.

– Жив ли наш враг, сын мой? – скрипучим голосом спросил старец.

– Он мёртв, отец Вальдес! – не вставая с колен, ответил Гилберт де Лануа.

Перед старцем на столе лежали три деревянные фигурки. Две большие, одна поменьше. Старец взял со стола одну большую фигурку и с неожиданной силой для такого с виду немощного старика переломил её пополам.

– Один наш враг умер! Но остались ещё двое! Один умер – остались двое! Они должны быть умерщвлены!

– Они умрут отец Вальдес! – Лануа произнёс эти слова как клятву, – мне удалось внушить герцогу Бургундскому что ему грозит опасность со стороны д, Арманьяков. В настоящее время он направился во Фландрию, где будет собирать силы для войны с ними, на случай, если она начнётся.

– Ты им поможешь сын мой, ты очень умён! Такой человек достоин стать моим преемником!

– Я не пожалею и жизни для вящей славы ордена! – с пылом воскликнул Гилберт де Лануа.

– Тебя проводят обратно!

Старец махнул рукой проводнику Лануа.

Поцеловав ещё раз руку старца, Лануа в сопровождение монаха удалился. Старец взял в руку оставшиеся две фигурки.

– Скоро вы умрете! – прошептал он.

– Во имя Анатаса! Да сбудутся мои слова! – стеклянные глаза старца зловеще мерцали.

Из двери, противоположной той, через которую прошёл Лануа, появились два человека, в сопровождении другого монаха. Первый из них – Кабош, глава гильдии Парижских мясников, невзрачный низенький толстяк. Второй – Николя Фламель – лекарь и алхимик, особа, приближённая к королеве Франции. Оба опустились на колени и по очереди поцеловали руку старцу.

– Дети мои! Недалек день, когда начнется война между самыми могущественными кланами Франции – «д, Арманьяками» и «Буригиньонами». Мы поможем герцогу Бургундскому уничтожить д, Арманьяков. Ты, сын мой, – старец ткнул пальцем в Кабоша, – должен настроить горожан против д, Арманьяков. По моему знаку Париж должен восстать и выступить на стороне бургундцев.

– Если такова воля отца нашего, д, Арманьяки будут уничтожены!

– Такова воля моя и воля отца моего – Анатаса!

Кабош согнулся еще ниже. Старец очертил над головой Кабоша круг одной рукой, другой осенив в шести местах.

– Иди, во имя Анатаса!

Кабош, пятясь, удалился. Старец вперил взгляд в Николя Фломеля.

– Королева довольна тобой, сын мой?

– Полностью, отец Вальдес! Как вы и приказывали, я предсказал смерть герцога Орлеанского в эту ночь!

– Предсказание сбылось! Королева еще больше уверует в твои способности!

– Я лишь покорный слуга моего господина!

– Оставайся им и впредь, сын мой! Я хочу, чтобы ты внушил королеве неприязнь к д'Арманьякам. Предскажи ей гибель этого клана, и скажи, что она потеряет власть, если станет им помогать. И не забывай давать королеве зеленый эликсир.

Николя Фламель покорно кивнул головой.

– Иди, сын мой, во имя Анатаса!

Как и все его предшественники, Николя Фламель еще раз поцеловал руку старца и сразу удалился.

Старец протянул правую руку карлице. Карлица крепко сжала ее коротенькими пальцами. Отец Вальдес с карлицей покинули зал через третью дверь, которая вела к жертвенному алтарю. Слева от жертвенной, в центре стены внизу была сделана ниша, в которой горел огонь. Над огнем висело на цепях изображение каменного идола с тремя короткими рогами и зловеще оскаленным ртом. Бормоча непонятные слова, отец Вальдес поклонился идолу. Карлица присела возле огня, следя за действиями старца. Закончив бормотать, старец подошел к узкому столу, который был намного короче того, что стоял в большом зале. На столе лежала обнаженная девушка. Она не была привязана к столу, однако, не шевелилась. Тусклый взгляд юной особы выражал полнейшее равнодушие. Она, несомненно, была всё ещё жива, однако не подавала никаких признаков жизни. Рядом с ней на столе лежал короткий кинжал, рукоятка которого была украшена головой идола с тремя рогами. Отец Вальдес взял в руки кинжал и занес высоко над головой.

– Кровь юной девственницы поможет мне!

Отец Вальдес снова начал бормотать заклинания. Голос старца то затихал, то взлетал высоко, он то бормотал, то начинал говорить отчетливо, и все время описывал круги вокруг жертвы. Наконец, отец Вальдес остановился. Он встал над головой жертвы и произнес одно слово.

– Совесть!

Вслед за этим старец уколол клинком лоб жертвы. На лбу девушки показались капли крови. Отец Вальдес смочил выступившей из лба кровью кинжал, подошел к изображению идола. Кровью с кинжала он смазал первый рог, бормоча при этом.

– Да сгинет святой дух! И да воцарится царствие твое, Анатас!

После этого старец вновь вернулся к жертве и уколол ее в левую грудь.

– Сердце!

Снова смазав выступившими каплями крови кинжал, старец смазал ею второй рог, бормоча при этом.

– Да сгинет сын! И да воцарится царствие твое, Анатас!

Затем старец сделал надрез на правой груди девушки.

– Душа!

Бормоча, он подошел и смазал этой кровью третий рог.

– Да сгинет отец! И да воцарится царствие твое, Анатас!

Отец Вальдес вновь вернулся к жертве. Начиная от шеи, заканчивая пупком, он очертил кровавый круг по телу жертвы, и еще один маленький круг он очертил в самом центре круга.

– Линия девственности!

Отец Вальдес прочертил кровавую линию от пупка к внутренней стороне маленького круга.

– Линия порока!

Он прочертил вторую кровавую линию от шеи к маленькому кругу.

– Линия жизни!

Он прочертил кровавую линию с правого плеча.

– Линия смерти!

Он прочертил кровавую линию с левого плеча.

– Линия тьмы!

Он прочертил кровавую линию с левого бока.

– Линия света!

Он прочертил кровавую линию с правого бока.

Все кровавые линии сходились в центре маленького круга.

– Прими ее душу, Анатас, и позволь мне увидеть будущее!

Издав резкий крик, отец Вальдес изо всех сил воткнул кинжал в центр круга и сразу вытащил его обратно из тела жертвы. Несмотря на очень глубокую рану, крови не было. Отец Вальдес несколько мгновений следил за начертанными им линиями. На левом плече жертвы показались несколько капель крови. Постепенно кровавой поток усиливался, и вскоре из раны на левом плече кровь брызнула во все стороны. Ни одна из остальных пяти линий не кровоточила. В течение нескольких минут отец Вальдес следил за струйками крови, вытекающими из левого плеча. Затем подошел к идолу и, ликуя, воскликнул.

– Имя твое велико! И да погибнет клан Д'Арманьяков!

В отличном расположении духа, отец Вальдес покинул жертвенную комнату. После его ухода карлица медленно подошла к лежавшей на столе жертве. Девушка ещё дышала, но менявшийся на глазах цвет лица указывал на то, что ей осталось недолго жить. Карлица потрогала рукой рану, потом по очереди начала обводить пальцем жертвенные линии. Едва она хотела, коснуться линии жизни на правом плече, как оттуда начала вытекать тонкими струйками кровь. Карлица в смятение отдернула палец, однако несколько капель всё же брызнули ей на руку. Карлица переводила потрясённый взгляд с крови на руке, на кровь, выделяющую из раны.

– Кто-то останется в живых, – пробормотала карлица, – и наши судьбы будут связаны.

Теперь у карлицы была тайна, о которой не знал даже всемогущий отец Вальдес.

Глава 4

Д'Арманьяки

Родовой замок графа Арманьяк находился на юге Франции, чуть поодаль Орлеана, в небольшом городке Осер. Замок был отделен от города ровом, заполненным водой. Единственный путь к нему лежал через мост, который приводился в действие огромным колесом, расположенным в одной из сторожевых башен на стенах замка. Замок находился на окраине Осера и в то же время как бы внутри него, но при этом он жил своей отдельной жизнью. Замок представлял собой большое каменное сооружение – состоящее из трёх этажей с круглыми башнями по углам. Он, как и город был окружён стеной, на которой днём и ночью дежурила стража. Сразу при въезде в замок через массивные ворота, находился огромный двор. Здесь была кузница, караульное помещение, конюшня, прачечная и многое другое. Рядом с замком находилось одноэтажное деревянное строение, построенное для прислуги замка. В самом замке имелось несколько десятков комнат, часть из них пустовала. Основные помещения находились на первом этаже. Это и оружейная, и столовая, большой зал для приёмов, личный кабинет графа и много других, менее значимых помещений. На втором и третьем этажах, к которым поднимались деревянные лестницы, располагались покои хозяина замка – графа Д.Арманьяки его ближайшего окружения. Так же здесь находились покои для гостей. Замок был построен прадедом нынешнего графа Арманьяк, после того как он получил земли Осера в награду за храбрость на полях сражений – от короля Франции Филиппа «Красивого».

Справа от ворот замка, устроили небольшую площадку, где с утра до позднего вечера, рыцари упражнялись в мастерстве владения мечом. Около двадцати рыцарей разбившись на пары с упорством достойным восхищения, вели ожесточённые схватки.

Именно сюда направлял свои шаги граф Д.Арманьяк. Ему едва перевалило за сорок лет. Это был человек с гордым профилем и обаятельными чертами лица. В руках он держал два деревянных меча. По пятам за ним следовал двенадцатилетний мальчик, как две капли воды похожий на него самого. При его появлении рыцари на время остановили поединки и поклонились.

Улыбнувшись в ответ, граф сделал жест рукой, который означал, чтобы они продолжали свои занятия и не обращали на него внимания.

Граф встал в позицию. Подождав пока то же самое сделает мальчик, граф протянул ему один из деревянных мечей. Мальчик принял этот жест как должное. Взяв меч в правую руку, он с весьма серьёзным видом встал в защитную позицию.

– Ты готов Филипп? – спросил граф у мальчика.

– Готов! – последовал уверенный ответ.

Граф сделал выпад, целясь в грудь Филиппа, но мальчик сумел отбить удар и тут же не раздумывая бросился в атаку на своего отца, но натолкнулся на острие деревянного меча, приставленное к его животу.

– Прежде чем нападать – научись защищаться! – нравоучительно заметил сыну граф Д.Арманьяк.

– Мне не нравится защищаться! – недовольным голосом ответил Филипп, предпринимая новую попытку атаковать.

Рыцари оставив свои упражнения сгруппировались вокруг них и улыбаясь следили, как граф Арманьяк со смехом отбивал беспорядочные удары своего сына. Его меч всё время касался тела Филиппа в разных местах. Филипп злился на свою беспомощность и предпринимал всё

новые атаки. Бросив защищаться, граф перешёл в атаку, вынуждая Филиппа занять полностью оборонительную позицию. Филипп побагровел от напряжения. Ему никак не удавалось уклониться от ударов, они всё время достигали цели. Граф часто останавливал поединок, подробно объясняя сыну, почему тот пропустил тот или иной удар, затем схватка продолжалась. Филипп запоминал всё, что ему говорил отец и вскоре граф с удовлетворением отметил, что Филипп не совершает одну ошибку два раза подряд. Очередной колющий удар в бок, ранее достигший цели, на сей раз её не достиг. Филипп отбил выпад, в свою очередь, предпринимая аналогичную атаку. Отбивая атаку, граф невольно подумал о том, что вскоре ему придётся нелегко сражаться с Филиппом. У мальчика имелась сила, напор и неуёмное желание победить. Овладев мастерством владения мечом, он мог стать весьма опасным противником. Эта мысль порадовала графа.

– А сейчас я выбью меч из твоих рук! – предупредил граф Д.Арманьяк.

Сделав обманный выпад, он обвёл меч Филиппа таким образом, что рукоятки мечей оказались рядом. Едва он собирался сделать последнее движение, чтобы выбить из его рук меч, как Филипп левой свободной рукой изо всех сил ударил графа по запястью руки, державшую меч, а правой, одновременно с этим перехватил движение, и в итоге вырвал меч из его рук.

Вокруг них грянул хохот.

Филипп салютовал мечом побеждённому противнику, а рыцарям, следившими за поединком, отвесил несколько поклонов. Филипп торжествовал. Наконец-то он одолел отца.

– Так нельзя поступать! – укорил его отец.

– Почему? – искренне удивился Филипп.

– Запомни, мой сын, нет чести в победе добытой обманом!

Слова отца задели Филиппа. Он бросил на отца хмурый взгляд.

– Как же я смогу тебя победить? Ты сильнее меня!

Граф не смог сдержать улыбки. Филипп наверняка считал, что у него отнимают честно добытую победу.

– И всё же не повторяй того, что ты сделал, – твёрдо повторил граф, – рыцарь обязан соблюдать правила боя и сражаться честно.

Филипп подбежал к одному из рыцарей, смуглому на вид и ровеснику его отца.

– Ги, рассуди нас, – попросил Филипп, обращаясь к нему.

Рыцарь потрепал Филиппа по голове.

– Твой отец прав, мой друг!

– Ты тоже на его стороне, – вздохнул Филипп и тут же спросил у обоих, – в таком случае, может, ответите, что делать, когда у вас сто рыцарей, а у противника в десять раз больше?

– А он не любит сдаваться, – Ги де Монтегю переглянулся со своим другом, графом Д.Арманьяк, который и ответил на вопрос.

– Умереть с честью в бою!

– А как бы ты поступил? – спросил у Филиппа Ги де Монтегю.

На губах Филиппа появилась озорная улыбка.

– Как с отцом! – последовал ответ, приведший к общему хохоту.

– Похоже, сегодня вы не собираетесь обедать, – раздался рядом с ними недовольный голос графини д. Арманьяк.

Рыцари разом замолкли при появлении молодой женщины в черном платье с накинутым на голову темным платком. Почтительно расступившись, они пропустили графиню к сыну. Филипп с явным недовольством взирал на свою мать.

– Нет! – отрезал Филипп. – Я не голоден.

Повернувшись к матери спиной он собрался было заговорить с Ги де Монтегю, но в этот момент граф взял его за ухо и повернул лицом к матери.

– Изволь вежливо разговаривать со своей матерью!

Кривясь от боли, Филипп скороговоркой произнес:

– Дорогая матушка, я не голоден. Так лучше?

– Намного, – признал граф, – однако, пообедать тебе все же придется.

Граф легонько подтолкнул сына в спину. Не смея прекословить отцу, Филипп поплелся за матерью. Едва граф собрался возобновить тренировку с Монтегю, как со стены, окружающей замок, раздался голос одного из стражников.

– Гонец от герцогини Орлеанской!

Граф обменялся недоумённым взглядом с Ги де Монтегю, не понимая, что могло заставить сестру направить гонца, затем, чуть помедлив, громко крикнул.

– Откройте ворота. Впустите гонца.

Пока граф в недоумении тер затылок, пытаясь разгадать причину появления гонца, ворота отворились, пропуская запыленного всадника. Гонец остановил коня в нескольких шагах от графа. Спрыгнув с коня, он твердым шагом подошел к графу и, преклонив одно колено, протянул запечатанное письмо.

– Монсеньору от герцогини Орлеанской.

Граф Д.Арманьяксломал печать, развернул письмо и начал читать. По мере того, как он читал, лицо его становилось все мрачнее. Монтегю с тревогой наблюдал за ним, догадываясь, что граф получил неприятное известие. Когда граф закончил читать, его лицо напоминало грозовую тучу. Граф свернул письмо и обратился к гонцу.

– Вам дадут денег, и свежую лошадь. Немедленно отправляйтесь обратно в Париж и известите герцогиню Орлеанскую о моем скором приезде. Она ничего не должна предпринимать, пока мы не встретимся. Передайте все на словах.

Гонец поклонился.

– Слушаюсь, монсеньор.

Граф Д.Арманьякотвел Монтегю в сторону на расстояние, достаточное, чтобы их не слышали остальные. Поведение графа не на шутку обеспокоило Монтегю.

– Что случилось? – встревожено спросил он.

Еще раз перечитав письмо, граф молча протянул его своему другу. Ги де Монтегю внимательно изучил содержание письма. Лицо его после чтения письма мало чем отличалось от лица графа.

– Я не понимаю, – Монтегю протянул письмо обратно графу, – как такое могло случиться? Брат короля! Нотабль! И зарезан, словно бездомный нищий! Случайность?

– Не знаю!

Граф сосредоточенно размышлял.

– Я пытаюсь понять, каким образом могло произойти это несчастье. Герцог Орлеанский был весьма значимой личностью во Франции. Принц крови, вряд ли кто – либо осмелился бы его убить. Во всяком случае, я таких людей не знаю. Потом, само убийство... таким образом убивают ничего не значащих людей, но не принцев. Возможно, его просто не узнали. Чем еще можно объяснить это подлое убийство?

Ход рассуждений графа был прерван новым криком стражника.

– Гонец!

– Еще один, – пробормотал себе под нос граф Д.Арманьяк, – да что, черт побери, происходит в Париже? Впустите его.

Всадник въехал в ворота, передал письмо одному из стражников, и тут же, развернув коня, поскакал обратно. Охваченный нетерпением, граф сам бросился к стражнику и чуть ли не вырвал письмо из его рук. На письме не имелось печати. Повертев его в руках, граф вскрыл письмо. Ему понадобилось меньше минуты, чтобы прочитать письмо неизвестного. Закончив чтение, граф издал вопль ярости.

– Подлец! Грязный убийца!

Ги де Монтегю взял из его рук письмо, содержание которого мы приводим ниже.

«Монсеньор! Невольно я подслушал разговор герцога Бургундского с человеком, чье имя мне не известно. В разговоре речь шла об убийстве герцога Орлеанского. Вначале я не придавал значения услышанному, но узнав, что герцога Орлеанского подло убили, я принял решение немедленно сообщить вам о некоторых подробностях подслушанного мной разговора. Герцог Бургундский сказал: «Убейте герцога ночью, когда он будет возвращаться от королевы!» Я не могу назвать вам свое имя, но скажу, что являюсь лицом, приближенным к герцогу Бургундскому. Вы – единственный человек, способный покарать убийцу. Именно это обстоятельство заставило меня обратиться к вам.

Ваш преданный слуга!

P.S. «Если монсеньор сомневается в искренности моих слов, сообщаю вам, что в настоящий момент герцог Бургундский покинул Париж и направился во Фландрию».

Граф Д,Арманьяк вместе со своим другом детства и ближайшим соратником прошли в кабинет. Оба прекрасно осознавали, насколько серьёзно складываются обстоятельства после убийства герцога Орлеанского. Положение во Франции могло измениться в худшую для них сторону со дня на день. Герцог Орлеанский возглавлял партию д, Арманьяков. Убив его герцог бургундский не мог не осознавать, что тем самым объявляет войну всем д, Арманьякам. Все эти мысли пронеслись в голове графа в течение нескольких мгновений.

– Я хочу выслушать тебя Ги, – граф привыкший делить всё со своим другом, и сейчас ждал совета, – что ты обо всём этом думаешь?

Ги де Монтегю поджав губы сосредоточенно размышлял.

– Если письмо правдиво, – после короткого молчания заговорил Ги де Монтегю, – тут и думать не о чем. Убийца должен понести заслуженное наказание.

– Оно правдиво. Посуди сам, кто ещё кроме герцога Бургундского способен на убийство герцога Орлеанского? Лишь один обладает достаточной властью и силой для того чтобы думать, что это убийство сойдёт ему с рук. К тому же, ни для кого не секрет что мы давно враждемы с Бургундией. И последнее обстоятельство. Герцог Орлеанский стоял на пути герцога Бургундского, который только и мечтает заполучить регентство и стать единоличным правителем во Франции.

– Всё сходится, – не мог не согласиться Монтегю, – и теперь когда герцога Орлеанского больше нет, а король представляет собой весьма жалкое зрелище – путь для герцога Бургундского свободен...

– Если мы не помешаем!

Слова графа вызвали у Монтегю понимающую улыбку.

– Сто рыцарей достаточно?

– Достаточно! Через два дня отправляемся Париж. Я заставлю всех признать герцога Бургундского убийцей, и потребую наказания для него, – граф Д, Арманьяк выдержал паузу и продолжил более мрачным голосом, – ну а если меня не поддержат... будет война. Я не оставлю это убийство безнаказанным.

Филипп почти закончил обедать, когда в столовую вошёл его отец. Филипп редко видел отца таким мрачным. Он заметил и вопросительно – испуганный взгляд матери.

– Послезавтра отправляемся в Париж, – коротко сообщил граф Д,Арманьяк и повернувшись вышел.

Не говоря ни слова графиня Д,Арманьяк встала со своего места из-за стола и пошла вслед за мужем.

Глава 5

Юные рыцари

Филипп остался в одиночестве. Мысль о том, что он скоро отправится в Париж со своим отцом, наполнила мальчика гордостью. Ему не терпелось поделиться этой новостью со своими друзьями. Филипп выбежал из столовой в большой холл замка, а оттуда бросился во двор.

За то короткое время что он обедал, обстановка резко изменилась. По двору в спешке сновали слуги. Рыцари бросив тренировку о чём горячо спорили. Всюду вокруг Филиппа царила суматоха. Филипп побежал к конюшне. Первое что бросилось ему в глаза – были конюхи, которые несли мешки с овсом. Филипп подпрыгнул от радости. Значит, отец не шутил. Они действительно отправляются в Париж. Усиленное питание коней – верный признак скорого отъезда. Филипп забежал в конюшню и, пройдя мимо длинного ряда могучих боевых коней, которые внушали ему неподотчётный страх, вывел из стойла невысокую кобылицу рыжеватого оттенка. Через несколько минут он уже покидал стены замка. Стража, привыкшая к таким поездкам, проводила его молчаливыми взглядами.

Едва переехав через перекидной мост, Филипп пустил лошадь лёгкой рысью. Он с весьма важным видом ехал по маленьким улочкам Осера. Проезжая мимо харчевни, он степенно, подражая отцу кивнул группе горожан, которые встретили его появление поклонами. Горожане любили наследника д, Арманьяков. Всюду, по пути, он встречал благожелательность и добрые улыбки горожан Осера. Миновав церковь «святого Франциска», Филипп выехал к городскому рынку. Вокруг него царила суета. Здесь продавали всё, что только можно было приобрести во Франции. Привязав лошадь к жерди, прислоненной у стены, Филипп подтянул штаны и направился к длинному ряду торговых лавок, возле которых сновали горожане. В воздухе раздавалась брань и ругань. Слышны были громкие споры. Одним словом, торговля шла вовсю. Филипп миновал прилавки с одеждой, при этом поминутно оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то. И тут его внимание привлёк безногий калека. Он лежал на голой земле, голова была прислонена к стене. В руках у калеки был кинжал, который он протягивал каждому прохожему с протяжной мольбой;

– Купите кинжал! С голоду умираю!

Филипп подошёл к калеке. Пошарив в кармане, он вытащил все медные монеты которые у него имелись.

– Бери, – Филипп протянул горсть медных монет калеке, – бери и купи себе еды.

Филипп высыпал горсть монет в подставленные ладони калеки, которые дрожали, то ли от волнения, то ли от радости. И собирался, было уходить, но калека схватил его за руку.

– Возьми нож милосердный д, Арманьяк, – калека второй рукой протягивал Филиппу, длинный кинжал.

Филипп удивлённо воззрился на калеку.

– Ты меня знаешь?

– Лишь Д,Арманьяк способен дать нищему калеке богатство, когда тот просит всего лишь куска хлеба, – послышался ответ калеки, – возьми кинжал и пусть он оберёжет тебя в минуту опасности, как сегодня спас меня ты... от голодной смерти.

В глазах калеки было столько мольбы, что Филипп молча принял кинжал и не рассматривая сунул за полу кафтана.

– Филипп! – внезапно раздался громкий крик за его спиной.

Филипп резко обернулся. При виде двух мальчиков его возраста, он приветливо помахал им рукой. Он направился к ним и вскоре все трое весело болтали. Они не замечали, что загрозили проход покупателям. Тем, чтобы пробраться к прилавкам, приходилось их обходить.

Немного поболтав, к огромному облегчению продавцов, мальчики освободили проход, и направились к лошади Филиппа. Филипп сел первым на лошадь. Позади него на круп лошади взгромоздились оба его друга. Втроём на одной лошади они двинулись в путь. Вскоре они выехали из города и направились к Бретюнскому лесу.

Вдоль края леса бежала дорога на Париж. Дорога была пуста. Лишь где-то вдалеке слышался отдалённый грохочущий шум. Ничуть не пугаясь того, что густые ряды деревьев тянутся почти к облакам, мальчики смело въехали под их густую тень. Ряды деревьев были настолько густыми, что почти не пропускали ярких солнечных лучей. Лишь лёгкий ветерок шевелил их ветви. Мальчики ехали по лесу в полной тишине. Тропинка временами разветвлялась, но мальчики уверенно продолжали свой путь. Они ехали по лесу менее часа, когда показались развалины старого монастыря с единственным оставшимся в целости крестом. Филипп уверенной рукой направил лошадь, огибая развалины с левой стороны. Едва они оказались у западной полуразрушенной стены, их взгляду открылось маленькое озеро. На берегу озера горел костёр, возле которого сидели два мальчика. Завидев их, они принялись махать руками и кричать.

– Филипп! Одо! Антуан!

В ответ с лошади Филиппа раздалось ответное приветствие.

– Таньги! Гийом!

Через мгновение все пятеро мальчишек обнимались шумно хлопая друг-друга по плечам. В воздухе зазвенел мальчишеский смех. Едва первое впечатление прошло, мальчишки чинно расселись вокруг костра, как делали не раз, сбегая из дома. Между ними завязался оживлённый разговор. Первым заговорил Филипп.

– У меня есть такие новости, не поверите, – возбуждённо рассказывал Филипп своим друзьям, – отец направляется в Париж и меня с собой берёт. Я увижу короля и королеву, говорят она очень красивая, – добавил Филипп, подразумевая королеву.

– И ещё она развратная, – добавил худенький мальчик с горбинкой на носу, Таньги дю Шастель, – я сам слышал как наш кюре это орал.

– Кюре как выпьет, так всех, развратниками, и богохульниками обзывает, но королева достойна уважения, хотя и не стоит того. Так говорит мой отец! – важно заметил Филипп.

– А ты надолго уедешь Филипп? – спросил Одо де Вуален. Он из всех пятерых, был самого маленького роста, и поэтому всегда становился на носки, находясь рядом со своими друзьями.

– Надолго, – важно ответил Филипп, который на самом деле и понятия не имел, что ответить на этот вопрос, – может на несколько лет, а может и больше, – добавил он для пущей важности.

– Но ты ведь обещал! – закричал Антуан де Вандом. Он был одного роста с Филиппом, но немного полнее него.

– Да, ты обещал! – повторил Гийом Ле Крусто, самый высокий из всех, с бледным лицом. Ты обещал, обещал, – мальчики со всех сторон набросились на Филиппа.

– Хорошо, хорошо, – Филипп замахал руками, отбиваясь от назойливости своих друзей, – я обещал и как человек чести, выполняю своё обещание.

– На колени! – скомандовал Филипп.

Все четверо бросились на колени и устремили торжественные взгляды на Филиппа. Филипп поднял с земли ветку и подошёл к первому из четырёх коленопреклонённых мальчиков. Возникла короткая тишина. Все пятеро мальчиков осознавали торжественность момента. С важностью, которой, несомненно, позавидовал бы и сам граф д, Арманьяк, Филипп начал церемонию посвящения в рыцари.

– Мы на поле боя. Каждый из нас возглавляет сотню рыцарей. Нас всего пятьсот, а англичан пять тысяч. Врагов в десять раз больше, но наша храбрость и отвага настолько велики, что мы одерживаем великую победу. И в честь этой победы, – я ваш сеньор, граф д, Арманьяк, де Родез, де Фацензак, герцог де Немур, – Филипп положил ветку на плечо первого мальчика, – тебя – Антаун де Вандом посвящаю в рыцари!

– Тебя, Гийом Ле Крусто посвящаю в рыцари!

– Тебя, Одо де Вуален посвящаю в рыцари!

– Тебя, Таньги дю Шастель посвящаю в рыцарю!

Тишину Бретюнского леса, разорвал стройный и громкий хор мальчишеских голосов.

– Гордость и Честь!

– Слава и Доблесть!

– Бесстрашие и Отвага!

– Вот девиз д, Арманьяка!

Глава 6

Париж справляет мессу

Ровно через три дня после описанных событий, граф Д.Арманьяк в сопровождении супруги и сына, а также сотни рыцарей прибыл в Париж. Разместив семью и своих людей в доме на улице святой Виктории, граф без промедления отправился с визитом к своей сестре.

Граф застал свою сестру в гостинице в весьма плачевном состоянии. К моменту прихода графа она разговаривала с незнакомой ему женщиной. Увидев долгожданного гостя, герцогиня Орлеанская бросилась ему в объятия.

– Дорогой брат, ты не представляешь, как я рада твоему приезду!

– Я приехал сразу же, как только получил от тебя известие, – граф Д.Арманьяк обнял сестру и поцеловал ее в лоб.

– Бернар, я в растерянности. Мы с ним находились не в очень хороших отношениях, ты это знаешь не хуже меня. Но его смерть стала для меня потрясением. Все произошло так неожиданно и настолько ужасно. Я не знаю, что мне делать, Бернар.

Граф усадил сестру в кресло, подвинул стул и сел рядом. Поглощенный беседой с сестрой, он не заметил, как беседовавшая с герцогиней незнакомая женщина незаметно оставила их.

– Расскажи подробно, что произошло, – попросил граф свою сестру.

– Вечером он, как обычно отправился к королеве. В последнее время они даже не пытались скрывать свою связь. Я не стала дожидаться его возвращения и отправилась спать. Через несколько часов после его ухода слуги нашли его мертвым недалеко от дома. Они занесли тело в дом. Ах, если бы ты видел, Бернар?! – глаза герцогини были полны слез. – Что убийцы с ним сделали?! Он был изрезан весь, в теле почти не осталось крови. Ужасное зрелище. Только закрою глаза, вижу все снова и снова. – Герцогиня закрыла лицо руками и тихо заплакала.

– Убийца будет наказан, не сомневайся, – заверил сестру граф.

– Оставь, Бернар, не вмешивайся, – вытирая слезы краем платка, попросила герцогиня Орлеанская, – ты не представляешь, сколько всего изменилось за эти дни. Я недавно вернулась из дворца. Королева не скрывает радости по поводу смерти моего супруга. Она уже собрала королевский совет, чтобы избрать нового регента... ты куда, Бернар? – вырвалось у герцогини, когда она увидела, как граф направился к двери.

– Неотложное дело! – торопливо бросил граф Д.Арманьяк быстро вышел.

Покинув сестру, граф Д.Арманьяк отправился во дворец Сен-Поль, где обычно проходили заседания королевского совета. Графа Д.Арманьяк беспрепятственно пропустили во дворец. Граф легко взбежал по ступенькам на второй этаж. Когда он вошел в зал заседания королевского совета, все уже собирались расходиться. Присутствовали все нотабли, за исключением герцога Бургундского. Королева возглавляла совет, восседавая в большом кресле.

– Ваше величество, монсеньоры, – граф Д.Арманьяк поклонился.

Он, как ни в чем не бывало, занял свое место за длинным столом.

– Я бы хотел знать, что здесь происходит? – холодно поинтересовался граф Д.Арманьяк, окидывая нотаблей ледяным взглядом, – а также узнать причину, по которой меня не соизволили пригласить.

На вопрос графа ответила королева Франции.

– У нас не имелось достаточно времени. Как видите, герцог Бургундский также отсутствует. Как вы, наверное, знаете, мы потеряли дорогого всем нам человека. Мы скорбим о герцоге Орлеанском, но дела государства, прежде всего. Новый регент должен быть избран

немедленно. Король – супруг мой, болен и не всегда справляется с возложенными на его плечи тяготами.

– И на чьи плечи хотят переложить эти тяготы? – насмешливо поинтересовался граф Д.Арманьяк.

Герцог Бурбонский встал со своего места.

– Совет решил назначить ее величество королеву регентом. Надеюсь, у вас нет возражений?

Молчание графа затягивалось, поэтому королева решила использовать личное обаяние, дабы убедить графа принять ее сторону.

– Монсеньоры, я бы хотела поговорить с графом наедине, если вы не возражаете?

Нотабли и так собирались уходить. Приход графа задержал их. Они попрощались с королевой и оставили их наедине. Королева обратилась к графу Д.Арманьякс очаровательной улыбкой.

– Граф, я всегда сожалела, что не вижу вас в числе моих близких друзей. Я искренне хочу стать вашим другом. Вы всегда привлекали мое внимание честностью и прямоотой. Увы, многим не хватает ваших качеств. Но если вы не желаете быть мне другом, по крайней мере, мы могли бы заключить соглашение.

Граф Д.Арманьяк бросил откровенно презрительный взгляд на королеву.

– Не упражняйтесь, мадам, в красноречии! Вам известно мое мнение относительно вашей особы. Я не принимаю дружбу людей, которых не уважаю, а вы именно к таким и относитесь. Однако, я не буду возражать против вашего регентства, но с одним обязательным условием: вы поможете мне воздать заслуженное наказание убийце герцога Орлеанского! Подумайте над моим предложением, мадам.

Граф Д.Арманьяк встал и отвесил королеве изящный поклон.

– Мадам! – граф оставил королеву и вышел.

– Ты пожалеешь, ничтожество! – прошипела королева ему вслед.

На заупокойную мессу герцога Орлеанского в усыпальницу Сен-Дени прибыла вся знать, находившаяся в Париже. Отметим лишь некоторых из них: герцог Бурбонский, герцог Алаксонский, герцог Баррский, герцог Беррийский, все они стояли в окружении королевы, напротив тела герцога Орлеанского. У изголовья покойного стояла герцогиня Орлеанская вместе со своим братом – графом д. Арманьяк. Всего из знати присутствовало не менее ста человек. Все они, соответственно трагическому событию были облачены в траурные цвета одежды. Отдельно от всех, на клиросе, в нескольких шагах от гроба с телом покойного герцога Орлеанского, находилось высшее духовенство. Среди них, – Ринальдо Орсини, кардинал, папский нунций во Франции. Мелеструа – епископ Нантский. Ангерран Монтереле – епископ Дижона и Бургундии. Пьер Кошан – епископ Парижский. Мессу проводил Реньо де Шартр – архиепископ Реймский, главное духовное лицо во Франции.

Месса герцога Орлеанского длилась около двух часов. В полной тишине звучал монотонный ровный голос архиепископа, призывающего принять в свою обитель одного из лучших сынов его. Архиепископ перечислял добрые дела покойного, его достоинства, называл герцога Орлеанского, что вызвало незаметную усмешку, у некоторых присутствующих из числа высшей знати. Лицо королевы Франции закрывала чёрная вуаль. Во время мессы, она не раз, подносила платок к глазам и трудно, было разобрать, искренне ли она печалится о смерти кузена, или все её действия всего лишь игра.

Архиепископ закончил мессу. Хор молодых мальчиков-учеников монастырской семинарии при аббатстве Сен-Дени, затянули было заупокойную молитву, но в это время, граф Д.Арманьяк поднял руку призывая их к молчанию. Все присутствующие на мессе с беспокойством

заёрзали на местах и устремили настороженные взгляды в сторону мрачного графа д, Арманьяка.

– Прошу прощения за то, что прерываю мессу – в полной тишине, негромко, но твёрдо заговорил граф, – я делаю это, отнюдь, не из неуважения к праху покойного, а единственно из желания воздать заслуженную кару убийце герцога Орлеанского. Всем вам известно, как был убит герцог Орлеанский. Его зарезали и бросили на улице, слово бездомного нищего. Подлое убийство должно быть справедливо наказано! И сейчас, здесь, перед прахом покойного герцога Орлеанского, я требую от имени его супруги, от своего имени, от имени его друзей и родственников покойного, и от имени тех, кто дорожит своей честью – наказать убийцу! Имя этого человека вам всем хорошо знакомо, – граф Д,Арманьяк выдержал небольшую паузу и закончил, – убийца герцог Бургундский!

Речь графа произвела ошеломляющее впечатление на присутствующих. Лёгкие вздохи перемешивались с растерянными взглядами, которыми присутствующие обменивались друг с другом. Взгляды и вздохи, и больше ничего. Молчание затягивалось, а никто ни единого слова не вымолвил в осуждение герцога Бургундского. Едва глаза графа останавливались на ком-нибудь, тот поспешно отводил взгляд в сторону. Граф повернулся к королеве, но она сделала вид, будто всё её внимание поглощено платком, который она теребила в руках. Молчание могло означать одно. Никто не хочет иметь такого могущественного врага, как герцог Бургундский. Граф Д,Арманьякостался в полном одиночестве.

С нескрываемым презрением он посмотрел на королеву, а потом обвёл взглядом присутствующую знать. Его голос зазвучал, под стать взгляду.

– А я и не подозревал, что нахожусь в обществе трусов. Я накажу убийцу или умру, слово чести Д,Арманьяка.

Едва снова зазвучали слова молитвы, как возле графа раздался едва слышный шёпот.

– Сегодня вы нажили себе много врагов!

Граф едва заметно повернул голову в сторону безмятежно стоявшего епископа Мелеструа.

Тело покойного герцога Орлеанского поместили в усыпальнице Сен-Дени, рядом с телом его отца – Карла V. Во время этой церемонии королева встала рядом с графом Д,Арманьяки герцогиней Орлеанской, желая подчеркнуть что она поддерживает его в тяжёлые времена. Но королева молчала, когда следовало, заклеить убийцу и тем самым встала на сторону герцога Бургундского. Вызов, хотя и молчаливый, был ею брошен. И граф как всегда резко ответил на вызов. Над сводами усыпальницы прозвучал отчётливый голос графа д, Арманьяк.

– Я чувствую себя оскорблённым, когда рядом со мной стоит шлюха!

Королева сильно вздрогнула. В мгновение, все вокруг замерли, услышав столь неприкрытое оскорбление. Слова графа могли означать только одно – он объявил войну герцогу Бургундскому и всем тем, кто его покрывает. Все это отчётливо понимали.

Глава 7

Заговор зреет

Через несколько дней после похорон герцога Орлеанского, у калитки, через которую имел обыкновение проходить во дворец Барбет-покойный, поздней ночью состоялась встреча Гилберта де Лануа и Николя Фламеля.

– Послание? – коротко спросил Гилберт де Лануа.

Николя Фламель молча передал ему свиток. Гилберт де Лануа сунул его за пояс и не прощаясь вскочил на коня. От Николя Фламеля, Гилберт де Лануа отправился к мэтру Кабошу на улицу Мясников. Привязав коня возле дома, он восемь раз постучал в дверь. Дверь открыл сам мэтр Кабош держащий в руке горящую свечу. Освещая ею путь, он провёл Гилберт де Лануа в одну из комнат. Когда они вошли в комнату, мэтр Кабош запер дверь. Он поставил свечу на стол, рядом с горящим светильником и сел напротив Гилберта де Лануа.

– Как обстоят дела, брат мой?

– Плохо, – признался Кабош, – мы пытаемся настроить горожан против д, Арманьяков, но эти сволочи ничего не хотят слушать. После того, как зарезали нашего герцога, все словно взбесились. Подавай им бургундцев. Этих прикончат без уговоров.

– Следует изменить положение в обратную сторону!

– Легко сказать, – Кабош почесал лысую голову, – попробовали бы сами походить, послушать, что они говорят про бургундцев. А тут ещё слух пошёл, будто граф Д,Арманьяк королеву шлюхой назвал. Так они после этого и вовсе готовы его на руках носить. Нет! Ничего не выйдет!

– Любой вопрос можно решить, следует лишь напрячь ум!

Кабош разозлился.

– Ну если вы такой умный, сами и решайте. Говорю вам, не получится, значит не получится. Я сам горожанин. Возглавляю гильдию мясников, меня все уважают, не то что вас, или другую знать. Но всё одно не хотят слушать. Уж если кто из нас вобьёт себе что в голову, это криком не выбьешь.

Некоторое время Гилберт де Лануа напряжённо размышлял, разглядывая мерцающее пламя свечи.

– Отец Вальдес будет недоволен, – наконец произнёс он.

Кабош побледнел, услышав эти слова.

– Я всё что угодно сделаю во имя ордена и отца Вальдеса, но как мне уговорить целый город восстать против д, Арманьяков?

– Я помогу!

– Поможете? – недоверчиво переспросил Кабош.

– Помогу, – подтвердил Гилберт де Лануа, в голове которого внезапно созрел дьявольский план, – есть люди, которые известны всему Парижу и пользуются уважением горожан?

– Я!

– Мы выберем кого-нибудь из уважаемых горожан и убьём его, – пояснил свою мысль Гилберт де Лануа.

– Зачем? – не понял Кабош.

– Обвинив в преступлении Д,Арманьяков и заставим город пойти против них.

– А если они не поверят?

– Предоставь это мне. Твоя задача наметить жертву и в нужный момент убить её!

– В таких делах я мастер, – хихикнул Кабош, – есть у меня один на примете кое-кто, денег займы у него взял на прошлой неделе.

– Раз мы всё решили, – Гилберт де Лануа поднялся со своего места, – готовьтесь и ждите сигнала к нападению.

Кабош проводил его обратно до двери.

– Во имя Анатаса! – Гилберт де Лануа поднял вверх три пальца.

– Во имя Анатаса! – повторил за ним Кабош, отвечая тем же знаком.

Покинув Кабоша, Гилберт де Лануа поскакал к выезду из города. У него на руках имелся пропуск, подписанный королевой, и стража беспрепятственно выпустила его из города. Выехав из Парижа, Лануа пришпорил коня, направляясь по дороге в Амьен. Он скакал почти не останавливаясь и через два дня достиг Амьена. Там он поменял коня на свежую лошадь, наскоро перекусил в придорожной харчевне, а затем расспросив у местных жителей дорогу на Турне, отправился дальше. В следующие два дня он без хлопот миновал графство Артуа. В Турне, Гилберт де Лануа снова сменил лошадь и после небольшого отдыха, продолжил путь. К концу пятого дня, он достиг городских ворот Гента. Перед воротами города он увидел отряд всадников, на плащах которых красовались Андреевские кресты. Такие знаки носили лишь те, кто принадлежал к числу сторонников герцога Бургундского. Среди всадников одно лицо показалось Гилберту де Лануа знакомым. Он направил коня в сторону рыцаря. Тот почти сразу же заметил приближающегося всадника и поскакал ему навстречу.

– Гийом!

– Гилберт!

Оба брата спешили с лошадой и крепко обнялись. Они не виделись больше года и сейчас придиричиво оглядывали друг друга.

– Ты возмужал, – заметил Гилберт де Лануа.

Ещё недавно его младший брат был безусым юнцом, а сейчас это был молодой человек в расцвете сил.

– Ещё бы чёрт возьми, – расхохотался Гийом де Лануа, – пока ты писал письма братец, я участвовал в боевых стычках. Монсеньор лично благодарил меня за отвагу.

– Рад за тебя, – искреннее поздравил брата Гилберт де Лануа, – у меня спешное дело к монсеньору. Поговорим позже.

– Монсеньор занят выяснением отношений с бургомистром, – весело ответил Гийом де Лануа, – видишь ли братец, бургомистру не по душе, то что мы обижаем добрых горожан Гента. А мы всего-то проткнули парочку сверх упитанных толстяков.

– Проводи меня в Ратушу!

– Как скажешь братец!

Гийом де Лануа проводил брата к Ратуше. Как раз в то мгновение, когда они подъехали к Ратуше, из неё выходил взбешенный герцог Бургундский.

Увидев Гилберта де Лануа, герцог мгновенно преобразился.

– Монсеньор, важные новости из Парижа! – с поклоном сообщил Гилберт де Лануа.

– Следуй за мной, – коротко приказал ему герцог бургундский.

– Я найду тебя, – шепнул брату Гилберт де Лануа, отправляясь вслед за герцогом Бургундский к особняку возле Ратуши, который герцог снял на время пребывания в Генте.

О чём шла речь в разговоре герцога Бургундского и Гилберта де Лануа, мы вскоре узнаем.

Глава 8

Предсказание

В глубинах подземелья, скрытого под кладбищем «Невинно убиенных младенцев» около ста членов ордена «Лионских бедняков», в монашеских одеяниях, стояли в уже знакомом нам зале, перед лицом всемогущего отца Вальдеса.

Среди гробового молчания, раздавался скрежещущий голос старца;

– Более двадцати веков назад, одним из величайших астрологов – Пеллином, было предсказано: «На земле появятся тайные силы, недоступные простым смертным. Они сокрушат власть королей. Они уничтожат лжепророков и тех, кто служит им. Тот, кто был богом, низвергнется в пучину забвения и мрака. Другой же, восстанет из них. Они будут править миром, от имени восставшего из мрака. Но они должны опасаться тех единственных, кто может помешать им. Особенного одного из них. Того, который воссоединит в себе корни двух могучих деревьев. И не допускать рождение другого, который насильственно воссоединит в себе корни трёх могучих деревьев и станет неминуемой гибелью для них. Бойтесь врагов, имя которым Д,Арманьяки!

Отец Вальдес прошёлся пронзительным взглядом по членам ордена.

– Дети мои! Настал час Анатаса! Д,Арманьяки – наши злейшие враги и нынешней ночью, все они должны быть умерщвлены. К утру в Париже не должно остаться ни одного из в живых. Убивайте друзей, родственников и даже тех, кто сочувствует им. Убивайте отпрысков, ибо завтра они могут стать во сто крат опаснее своих отцов! Убивайте матерей, ибо они могут породить опасность. Убивайте всех, кто может стать угрозой нашему ордену! Идите, и да сопутствует вам, отец наш Анатас!

– Во имя Анатаса! – хором повторили члены ордена.

Приблизительно, в то же время, граф Д,Арманьяк находился в своём доме. Вместе с Ги де Монтегю и своим сыном Филиппом. Они обсуждали повседневные дела и вопросы, связанные с набором войска. Ги де Монтегю только что вернулся из провинций, где полным ходом создавались отряды будущей армии д, Арманьяков. В самом разгаре разговоре, он неожиданно был прерван. Графу доложили, что его хочет видеть один человек, не пожелавший назвать своё имя.

– Кто бы это мог быть? – граф посмотрел на Монтегю.

– Будь внимателен Бернар, – предостерег Монтегю, – в такое время всё возможно. Не исключено, что это убийца, посланный герцогом Бургундским.

– Как бы то ни было, я должен знать, о цели его визита. Приведите его! – приказал граф. А затем обращаясь к сыну добавил. – Будь всё время у меня за спиной.

После этого, он встал напротив двери и взялся за рукоятку меча.

Человек, который вскоре появился перед ними, был в длинном плаще, с широкой надвинутой на глаза шляпой. Незнакомец снял шляпу, открывая своё лицо.

Граф Д,Арманьяк издал изумлённый возглас.

– Ваше преосвященство!

Епископ Мелеструа был чрезвычайно серьёзен.

– Вы должны немедленно покинуть город!

– Церковь требует от меня покинуть Париж? – недоверчиво спросил граф Д,Арманьяк.

– Не церковь, а я! И не требую, а прошу. Если хотите, умоляю. Уезжайте!

– Я обескуражен, ваше преосвященство! Могу я узнать, чем вызваны ваши слова?

– По городу ходят группы людей, которые настраивают горожан против вас. Я обладаю и другими сведениями, которые не могу раскрыть, ибо они касаются церкви и её служителей, но прошу верить мне. Вы в опасности!

– Ваше преосвященство, у меня в Париже сто рыцарей. С такими силами, я разбросаю любой сброд. Если я покину город, то не раньше, чем буду готов отправиться во Фландрию за преступником. К тому же Париж ненавидит герцога Бургундского. Жители Парижа предложили мне свою помощь. Они готовы набрать ополчения для предстоящего похода во Фландрию. Париж поддерживает меня. Если я покину его, кто может поручиться, что за время моего отсутствия, обстановка не изменится? Да и какие причины я приведу? Человек, обвиняющий в трусости других, сам бежит неизвестно отчего?

– И всё же я настаиваю. Вы должны покинуть Париж!

– Прошу прощения, ваше преосвященство, но я вынужден отклонить ваше предложение!

– И ничто не может убедить вас в обратном?

– Честь велит мне остаться, – твёрдо ответил граф Д'Арманьяк.

– Хорошо, – вынужден был согласиться епископ, – в таком случае, позвольте забрать вашего сына. В аббатстве, он будет в большей безопасности.

– Я останусь с отцом! – непреклонно заявил Филипп.

– Храбрый сын своего отца, – епископ с особым чувством произнёс эти слова, – подойди ко мне...

Филипп подошёл к епископу. Тот осенил мальчика крестом, а затем, надел на его шею маленький крест, вдетый в тонкую, волосяную верёвку. Затем, он поцеловал мальчика в лоб.

– Пусть благословение господне оберегает тебя в минуту опасности! – И повернувшись к графу добавил. – Вы один из немногих, кто заслужил моё глубокое уважение! Прощайте!

Епископ удалился так же внезапно, как и появился, оставив после себя немало вопросов.

– Станный визит! – пробормотал граф Д'Арманьяк.

Ги де Монтегю кивнул головой, соглашаясь с ним.

– Очень странный! Епископ посвящён во многие тайны. Он не стал бы предупреждать нас, не будучи уверенным. Мне кажется, стоит прислушаться к его совету.

– Возможно, – в голосе графа звучала неопределённость, – сделаем вот как. Завтра поутру, ты отвезёшь Филиппа и графиню, обратно в Осер. Усилишь охрану в городе. Никто без особого разрешения, не должен покидать стен города. А я, тем временем, попытаюсь выяснить, о каком заговоре идёт речь, и что за люди восстанавливают горожан против меня. Если они действительно существуют, я уничтожу их. К тому времени, наши отряды будут готовы. Сможем сразу двинуться на Фландрию.

– Хороший план! – одобрил Ги де Монтегю.

– Вот и прекрасно, – подытожил граф, – а теперь пора отдыхать. Завтра всем нам предстоит нелёгкий день.

Граф Д'Арманьяк отправился в спальню, где его ждала графиня.

Филипп вышел вслед за отцом, но вместо того, чтобы отправиться в свою комнату, поднялся на крышу дома. Несмотря на холод, он уселся, поджав ноги возле края карниза, на небольшом выступе, откуда просматривались все близлежащие, к святой Виктории – улицы и часть города. Филипп скрестил руки, стараясь не думать о холоде. Он твёрдо решил не спать в эту ночь. Если отцу угрожает опасность, он должен защитить его.

Покинув подземелье, – «Лионские бедняки» разбились на несколько групп, которые, вскоре разбрелись по городу. Одну из таких групп, возглавил Гилберт де Лануа. Он сразу же направился в дом Кабоша, который с десятью подручными дожидался его.

– Кто? – спросил Гилберт де Лануа, едва он со своим людьми вошёл в дом Кабоша.

– Жорж Гранье, – ответил Кабош, понимая что имеет ввиду Лануа.

– Где он живёт?

– В четверти часа ходьбы отсюда!

Гилберт де Лануа опустил голову на грудь, погружаясь в молчание.

– Нападаем, – спросил его Кабош.

Ждём!

Около тридцати человек, считая Гилберта де Лануа и Кабоша, расположились в маленькой комнатке, которая служила чуланом в доме. Никто не проронил ни слова, пока часы не отбили 11 часов. Едва отзвучал бой часов. Как в дверь раздался условный стук.

Прибывшим оказался не кто иной, как Гийом де Лануа.

– Мы стоим у ворот, – сообщил он.

– Сколько вас? – спросил брата Гилберт де Лануа.

– Около трёхсот. И пятьдесят рыцарей!

– Отлично! – Гилберта от удовольствия потёр руки, – стража без слов впустит вас в город. У них приказ королевы. Так что это обстоятельство не внушает беспокойства. Так что у тебя одна задача Гийом. Разделишь отряд на две части. Первая должна подойти к Д,Арманьякам с улицы святого Жакуйя, вторая – через аббатство святой Виктории. Д,Арманьяков около сотни. Если сумеешь незамеченным пробраться к ним, получишь реальную возможность решить исход этой ночи в нашу пользу. Атакуй не раньше, чем оба твоих отряда соединятся. К тому времени и я со своими людьми приду к тебе на помощь. А вместе, мы разгромим Д,Арманьяков.

– У меня тройной перевес в силе. Я и без твоей помощи уничтожу Д,Арманьяков!

– Не будь глупцом, – резко осадил брата, Гилберт де Лануа, – я сражался с Д,Арманьяками. Каждый из них стоит трёх любых твоих людей. Так что единственное твоё преимущество внезапность. Они не ждут нападения. Ты всё понял Гийом?

– Всё, – с изрядной иронией ответил Гийом де Лануа, – не сомневайся, к твоему приходу, в доме будут лишь мёртвые Д,Арманьяки.

– Избавь себя от самоуверенности, иначе к моему приходу ты уже будешь мёртв, – предупредил его Гилберт де Лануа.

– Клянусь честью, я докажу, ты ошибаешься!

После ухода брата, Гилберт де Лануа повернулся к Кабошу.

– Пора!

Они бесшумно вышли на улицу. Кабош приказал своим людям не разговаривать, пока они не доберутся до дома Гранье. И спросил Гилберта де Лануа, куда подевались остальные члены ордена.

– Все на своих местах, – последовал ответ, – они ждут наших действий.

В полной тишине они подошли к дому Жоржа Гранье. Все тридцать человек заняли позицию, прижавшись к стенам, а Кабош, предварительно убедившись что ночная улица безлюдна, громко застучал в дверь.

Через некоторое время, в одном из окон дома, появился тусклый свет, а затем раздался голос;

– Кого ночью нелёгкая принесла?

– Это я Жорж, Кабош!

– Чего ты припёрся в такой поздний час?

– Долг хочу вернуть. Не стал ждать до утра, – обманчиво спокойным тоном, ответил Кабош.

– А..а, благое дело и время не ждёт, – одобрительно отозвался Жорж Гранье. А вслед за этим раздался скрип отворяемых засов. В дверях появился Жорж Гранье, в тапочках, ночном Халате и ночном колпаке.

– Входи, – он отвернулся от Кабоша, собираясь проследовать внутрь дома, но Кабош мгновенно настиг его. Зажав левой рукой его рот, правой он несколько раз ударил кинжалом в спину Жоржа Гранье. Жорж Гранье, почти сразу же испустил дух. Кабош тихо опустил мёртвое тело на деревянный пол и пнул его ногой.

– Я расплатился с тобой, Жорж, – злобно бросил труп Кабош.

Лануа с людьми Кабоша, вошли в дом. На улице по-прежнему было безлюдно, что как нельзя лучше способствовало их планам. Раздался голос госпожи Гранье, зовущий мужа.

– Успокойте её, – приказал Гилберт де Лануа, – а заодно и остальных обитателей этого дома.

Подручные Кабоша разбрелись по дому в поисках жертв, а сам он отправился на голос госпожи Гранье. Женщина удивлённо захлопала глазами при виде Кабоша.

– Что вы здесь делаете?

– Сейчас объясню, – Кабош быстро подошёл к женщине и бросив на её лицо подушку, начал душить. Из под подушки раздалось, приглушённые вопли. Госпожа Гранье начала отчаянно сопротивляться, выворачиваясь всем телом. Ей удалось дотянуться рукой, до лица Кабоша и разорвать щеку, от глаз до подбородка. Кабош завыл от боли.

– Будь ты проклята стерва, – в бешенстве закричал Кабош, и отбросив в сторону подушку, начал вонзать в её тело кинжал. Он делал это до тех пор, пока женщина не затихла. Кабош вытащил тело женщины из спальни и бросил рядом с телом мужа. Вскоре, подручные приволокли ещё три тела, детей Гранье. Старшему, едва исполнилось десять лет.

– Что дальше? – вытирая кровь со щеки, спросил Кабош.

– Мы уйдём и спрячемся за углом, а ты вопи как можно громче, стучи во все дома и говори всем, что видел как из дома выбегали Д.Арманьяки!

– Понятно!

Гилберт де Лануа из-за угла наблюдал, как артистично действовал Кабош. Его истошные вопли, разбудили всю улицу. Из соседних домов, начали выходить люди с обеспокоенными лицами. Когда набралось человек сорок, Кабош с трагическим видом обратился к ним:

– Братья и сёстры! Добрые люди Парижа! Подлые д, Арманьяки совершили убийство ни в чём, ни повинных людей. Мой друг, Жорж Гранье, убит злодеями. Всю его семью зарезали, словно свиней. Смотрите, – Кабош распахнул входную дверь дома Гранье.

Горожане застыли при виде пяти мёртвых тел, лежавших в крови. Кабош опустился на колени перед телами и начал причитать. Горожане безмолвствовали. Гилберт де Лануа решил, что настала пора и ему вмешаться. Он вышел из укрытия и приблизившись к группе горожан, спросил, что происходит?

Те, указали на трупы. Гилберт де Лануа подошёл к Кабошу и спросил; что здесь произошло?

– Страшное убийство, – не переставая причитать, ответил Кабош.

– Ты видел, кто это сделал?

– Это были д, Арманьяки, я видел их, – закричал Кабош, – это они убийцы. Смерть им. Смерть убийцам невинных людей.

Гилберт де Лануа обернулся к толпе горожан, которых с каждой минутой становилось всё больше. Привлечённые шумом, сюда начали стекаться, люди, с соседних улиц.

– Д.Арманьяки не уважают нас! Они ненавидят и презирают нас! Они безнаказанно убивают нас! Неужели, мы не должны отомстить, а должны молча терпеть? Нет! Мы отомстим за наших братьев! Убийц ждёт смерть!

Гилберт де Лануа поднял вверх руку, сжатую в кулак.

– Смерть Д.Арманьякам!

– Смерть Д.Арманьякам! – вслед за ним закричал Кабош потрясая руками.

Несколько мгновений горожане колебались. Толпа с каждой минутой увеличивалась. Наступал решительный момент. Всё зависело от того, как поведёт себя толпа. Толпа колебалась. Но вот раздался один робкий голос, за ним последовал второй, третий, а вскоре вся толпа яростно ревела:

- Смерть Д,Арманьякам!
- Вперёд, братья, убьём подлых изменников! – закричал Гилберт де Лануа.
- Убить д, Арманьяков! Убить! Убить! Убить! – эхом прокатилось по толпе.
- За мной братья! – Кабош бросился бежать по улице, толпа ринулась за ним.
- Кому под силу остановить морские волны?! – пробормотал Гилберт де Лануа, глядя вслед обезумевшей толпе.

Глава 9

Ночь Дьявола

Мысль, о тёплом одеяле, не раз мелькала в голове Филиппа. Пронизывающий ветер пробирал Филиппа до дрожи. Он, как верный страж, сидел на крыше, зорко оглядывая все близлежащие улицы. Холод становился всё нестерпимей и Филипп по зрелому мышлению решил, что ничего страшного не случится, если он покинет свой пост на несколько минут и сходит за тёплым одеялом. Придя к такой мысли, Филипп поднялся со своего места, разминая затёкшие колени. Только он собирался спуститься, как вспыхнувшие вдалеке отблески яркого пламени, привлекли его внимание. Где-то, между улицами святого Жакуйя и святого Жана, близ набережной Сены... разгорался сильный пожар. Спокойные воды Сены, отражали языки пламени, отчего казалось, будто горит сама река. Забыв о холоде, Филипп, словно зачарованный смотрел на пожар. Слева, где-то между улицей святого Жакуйя и Лувром, вспыхнул ещё один пожар. Третий, вспыхнул, вблизи улицы святой Катерины. Затем, Филипп увидел ещё один, уже с левого берега Сены, близ торгового моста и улицы Сен-Дени. Пожары, вспыхивали, один за другим. Филипп насчитал их более двух десятков. От пламени пожаров, небо стало кровавого цвета. Огонь притягивал Филиппа. Он решил, во что бы то, ни стало, посмотреть вблизи на это зрелище.

А вдруг, он сможет кому-то помочь? Последняя мысль преисполнила Филиппа гордостью. Ему уже виделось, как он спасает людей и как отец его хвалит.

— Отец! — спохватился Филипп, он ни в коем случае не должен узнать о том, что я собираюсь сделать, иначе меня попросту запрут в комнате.

Филипп буквально скатился с крыши в узкое отверстие. Оказавшись, на чердаке дома, Филипп торопливо спустился по деревянной лестнице в коридор. Оттуда, он побежал в свою комнату. Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы облачиться в лёгкие доспехи, которые отец велел изготовить специально для него. Филипп опоясался коротким мечом, засунул купленный у калеки кинжал в сапоги, верхние края которых, доходили ему значительно выше колен. Набросил на плечи тёплый плащ, который был несколько великоват для него и оттого, он никак не мог застегнуть пряжку на груди. Наконец, справившись с пряжкой, Филипп выскочил из своей комнаты, начисто забыв, что кроме всего прочего, ему следовало прихватить с собой шляпу. Филипп, крадучись миновал опочивальню своих родителей и вздыхая с откровенным облегчением, спустился во двор. Во дворе, в него упёрлись четыре удивлённых взгляда, отбывающих ночное дежурство подле ворот, стражей.

Филипп напустил на себя важный вид и отважно направился к строю боевых коней, привязанных здесь же, у одной из стен. Громадные животные, вызвали у него неподотчётный страх. На таких лошадях, ему ни разу не приходилось, не то что ездить, а даже сидеть в седле. Но Филипп и глазом не моргнул, отвязывая боевую лошадь своего отца, от изгороди. Не подавая и виду, что он боится лошадь, которую взяв за уздцы и вёл к наружным воротам, Филипп, громко и чётко приказал стражам:

— Отворить ворота!

А вслед за этими словами, он взобрался на круп коня, чем заслужил и собственное уважение и, несомненно, уважение стражей, которые хотя и были удивлены поведением Филиппа, но ворота всё же открыли. Радость переполняла Филиппа. Лошадь беспрекословно повиновалась его командам, стража тоже... Филипп пустил лошадь рысью. Копыта гулко застучали по мостовой, удаляя Филиппа от дома.

Тем не менее, не всё было столь гладко, как думал Филипп. После его отъезда, один из стражей решил доложить Монтегю о том, что произошло. Но Филипп этого не знал. Он не понимал все возможные последствия своего необдуманного поступка. И едва ли осознавал, какой опасности себя подвергает. Вдыхая полной грудью, воздух ночного Парижа, он скакал навстречу, взмаивавшимся, невдалеке, отблескам пламени. Улицы были пустынные. Филипп почти без помех добрался до Сены. Вблизи, на другом стороне реки, показались купола Сен-Дени. Не раздумывая, Филипп направил коня на безлюдный мост. Он перебрался на другой берег Сены, которая в этом месте разветвлялась, отделяя остров Сите, от западной и восточной части Парижа.

Филипп быстро приближался к огромному зареву. Оставив, Сен-Дени, справа от себя, он во второй перебрался через Сену по «торговому мосту» или как его ещё называли «Мосту Менял». Едва Филипп оказался в восточной части Парижа, на улице святого Жакуйя, как всё в одно мгновение, изменилось. Филипп находился в опасной близости от пожаров, но не это его насторожило, ибо он остановил коня, чутко к чему-то прислушиваясь. До него доносились душераздирающие крики. Люди погибают в огне, – подумал Филипп, собираясь тронуть коня, но тут, с права от того места, где он находился, со стороны улицы святого Жакуйя, показалась толпа вооружённых людей. Они с дикими криками преследовали какую – то женщину. Присмотревшись внимательней, Филипп заметил, что женщина прижимает к груди ребёнка.

– Что они хотят от этой женщины? – мысли Филиппа пришли в смятение. Он осознавал угрозу, которая таила эта толпа вооружённых людей, но не знал, как следует поступить.

– Смерть Д,Арманьякам! Смерть убийцам! – неожиданно издала вопль толпа, бежавшая за женщиной.

Филипп вздрогнул, словно от удара.

Так эта женщина... не раздумывая более, он тронул лошадь, пуская её с места в галоп.

Преследователи были не более, чем в десяти шагах от своей жертвы. Филипп умело обогнув женщину с криком: «Да здравствуют Арманьяки!» – врезался в передние ряды преследователей, которых, было не менее двух десятков. Мощная грудь боевого коня, буквально разделила толпу пополам. Двое, после дерзкого натиска Филиппа, остались стонать на мостовой, остальные с криком: «спасайся Д,Арманьяки» бросились врассыпную.

Лишь один человек из толпы, злобным взглядом следил за Филиппом. Это был Кабош. Лицо его покраснело от злости.

– Проклятье, куда вы бежите? – заорал Кабош на своих подручных, – разве вы не видите, что он всего лишь один?! К тому же это ребёнок.

Филипп, делавший в это время разворот, понял, что враги нападут на него в ближайшие мгновения. Обернувшись назад, он увидел, что оттуда, движется толпа вдвое больше той, на которую напал он. Нечего было думать о том, что это могут быть друзья. Поэтому, Филипп принял единственно верное решение, он пришпорил лошадь и полетел вперёд, где его уже ждал обозлённый Кабош с тремя подручными.

– Хватайте его – завопил Кабош, протягивая руки, и стараясь ухватить лошадь за седло.

Хотя Филипп сделал манёвр и бросил лошадь влево, Кабошу, единственному из четверых удалось одной рукой зацепиться за Филиппа. Филипп резко натянул поводья, осаживая лошадь и тем самым, спасая себя от падения. Он чудом остался в седле, но рука Кабоша вцепилась в него мёртвой хваткой. И к ним уже подбегали подручные Кабоша. Не раздумывая, Филипп выхватил короткий меч и со всей силы нанёс удар по руке Кабоша, державшей седло. Кабош взвыл от боли, мечась с окровавленным обрубком руки, ибо Филипп отсек его кисть руки. Почувствовав, что его больше не держат, Филипп пришпорил коня. Помедли он, ещё мгновение и руки убийц схватили бы его. Лошадь перешла в галоп, оставляя за собой поле недавнего сражения, откуда неслись проклятья, в адрес Филиппа. Облегчённо выдохнув, Филипп оглянулся вокруг. Женщины с ребёнком, нигде не было видно. Она спаслась, – уверенно подумал

Филипп, и эта мысль принесла ему, едва ли не большую радость, чем мысль о собственном спасении. Филипп решил немедленно известить отца о том, что происходит на улицах Парижа, и собирался было въехать на мост, как до его слуха донеслись призывы о помощи. Кричала женщина где-то неподалёку. Филипп развернул лошадь и помчался по улице Жакуйя, в сторону улицы святой Катерины, оставляя преследователей, справа от себя. Меньше чем, через минуту, он остановился у небольшого дома, входные двери которого, были настежь открыты. Именно из окон второго этажа этого дома, доносились крики о помощи. Буквально, в двадцати шагах от Филиппа полыхал дом. Но, не обращая внимания ни на дом, ни на возможную опасность, Филипп спешил и с мечом в руках вошёл в открытые двери. Его едва не стошнило, когда прямо в прихожей, он увидел три мёртвых тела, лежащие друг на друге. Два тела принадлежали пожилым мужчинам, а одно принадлежало молодой женщине. Превозмогая тошноту, Филипп взбежал по ступенькам на второй этаж. Первая комната оказалась пуста. Во второй комнате, он увидел картину, которая потрясла его до глубины души. На полу лежала обнажённая девушка, которая видимо и зывала о помощи. На ней лежал какой-то мужчина и с диким хохотом целовал её. Второй мужчина сидел на корточках и держал девушку за длинные волосы. Время от времени, он бил несчастную жертву по лицу.

Злость и ярость перекосила лицо Филиппа. Он бросился к первому насильнику, тому что лежал на девушке, и воткнул меч в его спину. Охнув, тот вначале упал на обнажённую девушку, а потом скатился с неё на пол и раскинув руки, застыл.

– Ах ты зверёныш! – второй насильник, отпустив волосы девушки, выхватил кинжал и с криком «Умри» бросился на Филиппа.

Уроки отца... Филипп отлично усвоил их. И в тот миг, когда казалось кинжал неминуемо должен поразить его, Филипп ловко уклонился вправо и сделал резкий выпад, вонзая насильнику, меч в правый бок. Тот охнул, и упав на колени, схватился за рану. Не давая ему опомниться, Филипп воткнул меч в его шею. Из раны на Филиппа брызнула кровь. Насильник с предсмертным хрипом повалился на пол. Филипп вытер перчаткой кровь с лица, а затем подошёл к девушке и помог ей подняться. Девушка, содрогаясь от рыданий упала на грудь Филиппа. Филипп растерялся, не зная как ему поступить с девушкой.

Он понимал, что ни у него, ни у неё, нет времени. Убийцы, которых он избежал вначале, могли преследовать его. И если так, то они могли оказаться, совсем рядом.

– Кто ты? И почему вас убивают, – спросил Филипп, пытаясь как-то остановить поток горьких слёз девушки.

– Жаннет Жерве, – послышался ответ сквозь рыдания, – благослови тебя господь, мой господин.... Ты спас мою жизнь...и мою ...честь.

Филипп отстранил от себя девушку и глядя ей в глаза, сказал.

– Плакать нет времени Жаннет. Сюда могут прийти другие...

– Они убивают всех Д,Арманьяков!

Филипп недоверчиво посмотрел на Жаннет, слова которой вызвали у него сильное сомнение. Девушка двумя руками утирала рукой слёзы, и как могла пыталась успокоиться.

– Ты принадлежишь к Д,Арманьякам?

– Мой отец состоял в партии сторонников Арманьяков. Убивают не только Арманьяков, но и тех, кто сочувствует им и поддерживает. Я сама слышала это.

– Спрячься где-нибудь, – посоветовал Филипп, девушке.

Им овладела сильнейше беспокойство. Следовало немедленно предупредить отца. Оставив девушку, он бросился вниз, но едва он хотел выйти, как снаружи раздались голоса. Филипп быстро развернулся и бросился обратно на второй этаж. Спрятавшись за стеной, он выглянул из-за угла и увидел, как напротив дверей остановились два человека, вооружённые до зубов.

– Ты готов? – спросил первый.

– Да! – последовал ответ.

– Отлично, – снова заговорил первый, – ты разделишь три сотни пополам. Окружите улицу святой Виктории с двух сторон, чтобы Д'Арманьяки не смогли вырваться. Но не атакуйте! Дождитесь, пока я не подойду со своими двумя сотнями. Поторопись Гийом, ибо шум может насторожить Д'Арманьяков, а этого допустить нельзя.

– За мной! – расслышал Филипп.

Бросившись к окну, он увидел стройные ряды Бургундцев, которых сразу же узнал по Андреевским крестам на плащах. Вся улица была забита бургундскими копейщиками, которые совершенно бесшумно двигались в направлении, откуда недавно прискакал Филипп.

– Я должен опередить их!

Филипп с нетерпением выждал, пока бургундцы прошли мимо дома. Выскочив на улицу, он с радостью увидел свою лошадь. К счастью Филиппа, никто ею не воспользовался. И никому в голову не пришло поинтересоваться, чья лошадь стоит возле дома. Удача в эту ночь благоволила к Филиппу. Он понимал, что опередить бургундцев, он в лучшем случае, сможет на острове Сите. Филипп взобрался на лошадь. Во избежание встречи с убийцами, он решил не следовать за бургундцами, а обогнуть улицу святого Жакуйя. С этой целью, он помчался вперёд, на улицу святой Катерины. По пути, ему попадались отдельные люди, вооружённые, то вилами, то топорами, но Филипп старательно их объезжал. В его голове билась единственная мысль. Он должен успеть раньше бургундцев.

Добравшись до улицы святой Катерины, Филипп свернул направо, и через несколько минут подъехал к площади, что находилась, перед церковью святой Катерины. До той минуты, пока он не въехал на площадь, Филипп не представлял себя масштабы трагедии, свидетелем и участником, которой он стал. Повсюду, впереди него, полыхали дома. Создавалось ощущение, что наступил день, так ярко освещались, неровно уложенные камни мостовой, покрывавшие улицу святой Катерины. Но не это поразило Филиппа. Нет. Он не отрываясь смотрел на огромную толпу людей, которые с плачем и рыданием, стучали в овальные, двустворчатые двери церкви «Святой Катерины», которая в этот момент выглядела, словно осажденная крепость. Просторная паперть, все ступени перед церковью, да и сама площадь были заполнены испуганными людьми. И все они пытались попасть в церковь. Но двери церкви оставались наглухо закрытыми.

Мольбы людей, разрывали Филиппу душу. В это мгновение, он почувствовал, что ненавидит церковь и её служителей, которые отказывались протянуть руку, отчаявшимся людям. Филипп прищипорил лошадь, проносясь мимо скопления людей. Он обогнул улицу святого Жакуйя и поминутно оглядываясь, заехал на мост. Он сумел, незамеченным, добраться до острова Сите. Там, он погнал лошадь во весь опор. Предполагая, что бургундцы, направятся ко второму мосту напрямиком, Филипп свернул налево, в сторону Сен-Дени. Обогнув Сен-Дени, он к величайшему своему облегчению, первым въехал на мост. И уже через несколько минут, подъехал к воротам дома, которые были настежь открыты. Филипп на полном скаку влетел во двор. Первое, что он увидел – это были отец и Монтегю, которые беседовали со стражами. Филипп увидел, как при его появлении, лицо отца нахмурилось. Не дожидаясь, пока лошадь остановится, Филипп спрыгнул с крупа лошади. Граф едва не вскрикнул, бросаясь к сыну, но увидев, что тот благополучно приземлился, нахмурился ещё больше.

Граф ожидал, что сын подойдёт к нему, но каково было его удивление, когда Филипп подошёл к одному из стражей, несущих ночное дежурство и коротко приказал;

– Всех рыцарей поднять, немедленно!

Страж растерянно посмотрел на графа, который не сводил мрачного взгляда со своего сына.

Ты... – начал было граф отповедь, но был остановлен Филиппом.

– Потом отец! – Филипп снова обратился к стражнику, да таким голосом, что привёл отца и Монтегю в изумление.

– Вы слышали приказ?

– Да – стражник, уже не оглядываясь, побежал выполнять приказ.

– Отец, – Филипп подошёл к отцу. Тот, увидев, насколько серьёзен Филипп, невольно весь поддался вниманию, – его преосвященство был прав.

– Мелеструа? Ты о чём Филипп? – не понял граф.

– Париж восстал. Они убивают всех, кто принадлежит к нашим сторонникам, – коротко сообщил Филипп.

Граф вначале улыбнулся, но, увидев, насколько серьёзен Филипп, не выдержал и спросил:

– Откуда ты можешь знать?

– Я своими глазами видел, как убивают наших сторонников!

– На сегодня для меня достаточно твоих выдумок, – граф махнул рукой на сына, – иди спать, утром поговорим.

– Подожди Бернар, – Монтегю подошёл к Филиппу и взял его за руку, что-то рассматривая.

Убедившись, что это именно то, о чём он подумал, Монтегю показал руку Филиппа графу.

– Не хочешь взглянуть?

Граф подошёл и внимательно осмотрел руку, а вернее перчатку, на которой была кровь.

– Откуда у тебя кровь на перчатке?

Филипп молча достал меч из ножен. Он был весь в крови. Граф вздрогнул, увидев меч.

– Я убил двоих, а одному отсёк руку. Они хотели убить женщину. Отец, клянусь всем, что мне дорого, я говорю правду. Поверьте мне. В Париже убивают всех наших сторонников. Я видел собственными глазами отряд бургундских копейщиков, которые направляются сюда и с минуты на минуту могут напасть на нас. Я едва смог опередить их.

– Бургундцы? Бред какой-то, – граф тряхнул головой, словно освобождаясь от наваждения, – они не могли попасть в Париж.

– Они рядом отец, клянусь вам!

– Закройте ворота! – скомандовал Монтегю.

Трое стражников бросились выполнять приказ. Они закрыли ворота на массивный засов. Из дома начали выходить заспанные рыцари. Они ничего не понимая, протирали глаза.

Едва они выстроились во дворе, как Монтегю обратился к ним с короткой речью.

– На нас готовятся напасть бургундцы. Всем готовится к бою.

Рыцари вокруг них забегали, готовя вооружение и коней, а граф смотрел на Монтегю и взгляд его выражал сомнение.

– А если всё это, не более чем выдумка Филиппа?

– А если правда? – ответил вопросом на вопрос Монтегю.

– Сударь, – с оскорблённым видом обратился Филипп, к своему отцу, назвав меня лжецом, вы оскорбили меня.

– Будь я проклят – пробормотал граф, изумлённо глядя на сына, в то время, как Монтегю тихонько посмеивался.

– Вам следовало бы поблагодарить меня, – продолжал в том же тоне Филипп, – а вы ведёте себя совершенно недопустимо в сложившейся обстановке. Я бы назвал такое поведение «преступным», ибо от вас зависят наши жизни и жизни сотен людей. Я требую, чтобы вы верили мне, потому что, я не только ваш сын, но и воин, который доказал этой ночью своё право на место, рядом с остальными рыцарями. Ну а если мои слова, всё же вызывают у вас по прежнему сомнения, следуйте за мной и вы всё увидите собственными глазами!

Закончив речь, Филипп не глядя на совершенно озадаченного отца, направился в дом.

Пожав плечами, граф и Ги де Монтегю отправились за ним. Филипп отвёл их на крышу. При первом же взгляде, граф увидел, что Париж в огне. Но что ещё хуже, слова Филиппа под-

твердились. Все трое увидели бургундцев, которые неслышно появились с двух сторон улицы. Их было довольно много.

– Сколько их? – спросил, было, граф у Монтегю, но на этот вопрос ответил Филипп, ибо он знал точное число.

– Триста!

Граф обнял сына, прижимая его к груди.

– Сегодня, ты нас всех спас Филипп!

Все трое поспешно спустились во двор. Там они увидели, что все рыцари в сёдлах и готовы к бою. В стороне стояла графиня и с беспокойством смотрела на своего мужа.

Граф посмотрел на сына, Филипп понял этот взгляд.

– Дюше! – обратился Филипп к одному из рыцарей, – вам надлежит отвести мою мать в безопасное место... к...

– В дом герцогини Орлеанской! – подхватил граф, слегка помогая сыну. Тот в ответ бросил на отца благодарный взгляд.

– Всем остальным, выстроится в пять рядов, напротив ворот! – громко скомандовал Филипп.

– Лучше бы и я не смог! – улыбнулся граф.

Тем временем, сбита с толку графиня. Подошла к мужу и спросила: что происходит. Граф что-то прошептал ей на ухо. Все услышали лишь последние слова графа. «Жди у моей сестры».

Через минуту все разговоры среди Д,Арманьяков стихли. Сто рыцарей образовали четырёхугольник и ждали только приказа к началу боя. Граф, несмотря на протесты Филиппа, поместил его посередине отряда, рядом с матерью. А сам он возглавил отряд. При нападении бургундцев, он первым принял бы на себя удар. Минуты текли, одна за другой. Пока ничего не происходило. Взгляды всех Арманьяков были направлены на ворота. Граф в очередной раз оглянулся, чтобы проверить все ли на местах. Лица всех рыцарей натянулись от напряжённого ожидания. Приблизительно, через четверть часа ожидания, они явственно различили движение у ворот. Они различили приглушённые голоса. По-видимому, враги были уверены, что они спят. Несмотря на то, что Д,Арманьяки ждали Бургундцев, удары потрясшие ворота, стали для них неожиданностью. Настолько, осторожен был враг. Несколько мощных ударов и ворота, слетев с петель, упали на землю.

С криками «Слава Бургундии», «Слава святому Андрею», во двор хлынули Бургундцы.

Но крики сразу же оборвались, едва они увидели перед собой, крупный отряд рыцарей, ждавших их во всеоружии. Бургундцы замешкались.

– Вперёд Арманьяки! – зычно вскричал граф Арманьяк, первым врезаясь в ближайшего к нему бургундца.

Арманьяки дружно заработали мечами, расчищая себе путь к выходу.

Бургундцы, ошеломлённые натиском Арманьяком, хлынули назад, дав друг – друга.

– Назад, назад, – кричал хриплым голосом Гийом де Лануа, – их мало... что вы делаете трусы... назад, атакуйте их...

Но его мало кто слушал. Попытка пробиться вперёд, тоже не увенчалась успехом. Гийома де Лануа буквально вынесло на улицу, толпа отступавших Бургундцев.

Пока он пытался привести в порядок свой отряд, чтобы снова ударить по Д,Арманьякам. Те преспокойно выбрались из дома. Убив, около двух десятков бургундцев и не потеряв при этом ни одного человека, Д,Арманьяки вырвались из окружения.

Отряд галопом поскакал по улице святой Виктории. Достигнув первого перекрёстка, граф остановил отряд. Они оторвались от пеших бургундцев. Не было и речи, что те смогут нагнать их. Граф собирался, было повернуть отряд налево, но послышался громкий голос Филиппа.

– Дюше, сопровождайте графиню! Все остальные, к церкви святой Каторины!

Филипп подъехал к отцу.

– К святой Каторине! – повторил граф, с гордостью глядя на сына. На сей раз слова сына, не вызвали ни малейшего сомнения. Отряд Д'Арманьяков, предводимый отцом и сыном, которые теперь скакали бок о бок, понёсся по улицам Парижа. Не сбавляя скорости, они переехали через оба моста. Они двигались, по проделанному ранее, Филиппом, пути. Не раз на их пути попадались озверевшие горожане, которые рыскали в поисках очередной жертвы. Д'Арманьяки не обращали на них внимания. А те в свою очередь узнавали Д'Арманьяков по белым перевязям, и с криками: «Д'Арманьяки, спасайся, кто может», прятались везде, где только могли. Но Д'Арманьяки не останавливались. Они спешили, но куда, знал только Филипп. Наконец, после получаса скачки, Д'Арманьяки достигли площади, перед церковью святой Каторины. У них вырвался звериный рык, при виде того, как людей, которые, в основном состояли из женщин, стариков и детей, и которые, в безотчётном страхе прижимались к каменным стенам церкви, убивала озверевшая толпа, предводимая монахами.

Д'Арманьяки на полном скаку врезались в толпу озверевших горожан, нещадно убивая любого, кто оказывался в пределах их досягаемости. Рубка длилась не более пяти минут. Этого времени хватило, чтобы разогнать толпу убийц. Оставив, часть людей на площади, мёртвыми, убийцы с криками ужаса и воплями, разбежались по сторонам. Арманьяки, не стали их преследовать.

Обречённые люди, потерявшие надежду на спасение, подбегали к рыцарям и со слезами на глазах, целовали им руки. Граф Д'Арманьяк и Ги де Монтегю, вытирая струившийся пот с лица, молча наблюдали в стороне за происходящим.

– Ещё немного – Монтегю выразительно посмотрел на графа, заканчивая недосказанное, взглядом.

Граф с гордостью посмотрел на Филиппа, которого, в это мгновение, обнимала пожилая женщина.

– Ты прав Бернар. Филипп отважен и храбр! – понимая взгляд друга, признал Монтегю.

– Бесспорно – согласился граф, – любой отец гордился бы таким сыном, однако... – граф спешился, и легко взбежав по ступенькам, постучал рукояткой меча в запёртые двери церкви. На всю площадь прогремел голос графа.

– Я граф Д'Арманьяк! Немедленно отворите двери! Здесь люди, которые нуждаются в помощи и защите церкви!

– Не могу! – раздался из-за двери, страдальческий голос, – его преосвященство запретил открывать двери церковей этой ночью.

Граф Арманьяк разразился проклятиями.

– Будь проклят Пьер Кошон – в сердцах закричал граф, – вместо того, чтобы оберегать людей. Спасать их жизни, он отправляет монахов, чтобы они убивали. И это церковь? И это слуги божьи? Проклятье!

Все люди, стоявшие перед церковью, а их было несколько сотен, исключая Д'Арманьяков, затаив дыхание, следили и смотрели за главным из Арманьяков.

А граф, словно не замечая сотен направленных на него взглядов, вслух размышлял о происходящих событиях.

– Клянусь честью это заговор! Самый настоящий заговор, в котором, замешан не только герцог Бургундский, но и духовенство. Проклятье! Дело наверняка не обошлось без участия королевы, иначе как бургундцы могли проникнуть в Париж? И как, чёрт побери, они настроили город, против нас? Впрочем, рассуждать будем после, а пока следует вывести этих людей из Парижа, иначе всех их убьют. Проклятье!

Граф решительно и быстро начал отдавать приказы. Филипп с восхищением следил за действиями отца. Он велел всем безоружным людям, собраться на площади. Более получаса

ушло на то, чтобы люди выполнили это распоряжение графа. После этого, граф велел своим рыцарям окружить толпу людей, по всему периметру. Когда это было выполнено, беззащитные ранее люди, оказались в кольце, которое охраняли Д,Арманьяки. Таким образом, и только под охраной, они могли быть выведены из Парижа. Все это прекрасно понимали.

Но в ту минуту, когда Д,Арманьяки собирались двинутся, удача сопутствующая им всё это время, отвернулась. На углу улицы святой Катерины, появились первые ряды бургундцев, возглавляемые Гийомом де Лануа. При виде Д,Арманьяков, у бургундцев вырвались крики радости.

Граф Д,Арманьяк, мгновенно оценил ситуацию. Они с лёгкостью могли избежать столкновения, но в таком случае, толпа безоружных людей, оставалась в руках бургундцев. Исход судьбы этих людей был бы предreshён. Граф Д,Арманьяк ни на мгновение не усомнился в том, какая участь ждёт его сторонников, в случае, если он покинет их. Поэтому, у Д,Арманьяков оставалось единственный выход. Они должны были принять неравный бой. Иного спасения не было.

– Всем у кого нет оружия, кто не может сражаться, прижаться к стенам церкви! – громкоскомандовал граф Арманьяк.

Пока люди поспешно поднимались по ступеням, Д,Арманьяки выстроились перед бургундцами, становясь преградой между ними и беззащитными людьми.

– Друзья мои, – негромко обратился граф к рыцарям, – за нами безоружные люди. Падём мы – их всех убьют. Сегодня ночью все против нас, но мы докажем, что мы – Д,Арманьяки!

Граф поднял руку с мечом.

– Гордость и Честь!

Рыцари в один голос, громко повторили;

– Слава и Доблесть!

– Слава и Доблесть!

– Бесстрашие и отвага!

– Бесстрашие и отвага!

– Вот девиз Д,Арманьяка!

Едва отзвучало эхо голосов Д,Арманьяков, как Гийом де Лануа, словно озверелый бросил свои силы в атаку. Завязалась жестокая битва. Бургундцы сразу же предприняли попытку, оттеснить Д,Арманьяков назад, но Д,Арманьяки отбили атаку. Гийом де Лануа постарался шире развернуть наступление своего отряда, чтобы сполна воспользоваться численным превосходством. Он предпринял новую атаку, обрушиваясь на Д,Арманьяков, положение которых внезапно осложнили прибывшие на подмогу бургундцам – горожане. Отступившие вначале, они появились слева от Д,Арманьяков и сразу же набросились на них. Д,Арманьяки, вынуждены были расширить место сражения, что для них являлось крайне нежелательно. Д,Арманьяки стойко держались, отбивая атаку бургундцев. В общей суматохе сражения, раздался голос графа.

– Ги, как только наступит передышка – отбрось их!

Монтегю понял, что граф имел в виду горожан.

Граф врезался в гущу бургундцев, изо всех сил орудуя мечом. Д,Арманьяки с дикими криками последовали за ним. Контратака Д,Арманьяков, застала бургундцев врасплох. Оставив более 15 человек убитыми, они отступили. Воспользовавшись передышкой, Монтегю с частью отряда бросился на горожан, которые незамедлительно почувствовали на себе, что такое ярость Д,Арманьяков. Монтегю хватило нескольких минут, чтобы обратить горожан в бегство. Давя друг-друга, они бежали с поля битвы.

– Вояки! – весело бросил им вслед Монтегю.

– Всё ещё впереди! – коротко ответил граф Д,Арманьяк. Он поискал взглядом сына. Лишь увидев его недалеко от себя живым и здоровым, граф повернулся в сторону бургундцев.

– Скольких мы потеряли?

– Девять! – ответил Монтегю.

– А они не меньше сорока человек! Справимся?

– Никаких сомнений! – весело ответил не унывающий Монтегю, – будь я проклят, если в ближайшие четверть часа, не увижу, как улепётывают бургундцы.

– Тогда вперёд! – скомандовал граф.

Д,Арманьяки предприняли яростную атаку на бургундцев, заставляя их отступить. Основной удар Д,Арманьяков пришёлся по центру бургундцев. Им сразу же удалось вклиниться в середину бургундцев и продвинуться немного вперёд. Душераздирающие крики, смешались с треском разрушаемых костей. Мечи мелькали в воздухе, пробивая доспехи и обрушиваясь на головы пеших воинов. Граф не видел никого, кроме стоявшего перед ним противника. Он убивал и убивал, не давая никому пощады. Бургундцы, предприняли попытку окружить Арманьяков, но Монтегю разгадал этот манёвр и тут еж пресёк его. Казалось ещё немного и противник обратится в бегство. Д,Арманьяки уже видели свою победу, когда раздался громкий крик Филиппа;

– Отец, назад!

Граф резко оглянулся на голос сына. Слева, вместо бежавших горожан, приближался хорошо вооружённый отряд бургундцев, предводимый Гилбертом де Лануа.

– Назад! – зычно скомандовал граф Д,Арманьяк.

Арманьяки отступили на прежние позиции. Они выстроились полукругом, перед церковью в ожидании следующей атаки бургундцев. Д,Арманьяки потеряли во время последней атаки около 20 рыцарей. Бургундцев же осталось едва ли половина из того, что было вначале. Но увидев подкрепление, они воспаряли духом. Следующую атаку Д,Арманьякам пришлось отбивать с двух сторон. Им приходилось очень тяжёло. Ряды понемногу редели, но они бились насмерть с нечеловеческой яростью. Враги отхлынули. Ряды Д,Арманьяков поредели ещё на десять человек.

– Что будем делать? – тяжёло дыша спросил Монтегю.

– Защищаться! Иного выхода нет! – граф Д,Арманьяк призвал рыцарей, плотнее сомкнуть ряды.

Пока Бургундцы готовились к новой атаке, он лихорадочно продумывал все возможные исходы сражения. Против них был пятикратный численный перевес противника. Шестидесяти Д,Арманьякам, противостояло около трёхсот Бургундцев. Единственно, что немного обнадёживало, рыцарей среди них не было. Были только копейщики и ландсхеты. Граф Д,Арманьяк осознавал, что они должны либо умереть, либо совершить невозможное и выстоять. Хотя одно не исключало другого. Он во главе тридцати рыцарей защищал правый фланг, Монтегю с остальными тридцатью, левый фланг. В таком расположении они и приняли следующий удар бургундцев. Посыпались искры от скрещиваемых мечей. Бургундцы, подбадривая друг-друга криками попытались оттеснить Д,Арманьяков назад, прижать их к стенам церкви, смешать с безоружными людьми, тем самым сковав их движения. На этот раз атака была более яростной, чем все остальные, но всё же Д,Арманьяки и на сей раз выстояли. Повсюду на площади валялись трупы. Стоны тяжелораненых повисли в воздухе. Никто даже не пытался им помочь. Д,Арманьяки снова перегруппировались, смыкая ряды. Бургундцы готовились к атаке, бросая на них злобные взгляды. Д,Арманьяков становилось всё меньше и если бургундцам удастся, вклиниться в их ряды – они погибнут. Новая атака обрушилась на Д,Арманьяков. На сей раз даже нечеловеческие усилия, которые они предпринимали, не помогали. Бургундцы приняли решение сражаться до конца и больше не отступать. В самом начале, граф Д,Арманьяк немного выдвинулся вперёд. Заметив это, бургундцы отсекали его от основных сил. Граф Д,Арманьяк сражался в окружении трёх бургундцев. Казалось, ещё немного и он падёт, но в это время

один из нападавших, охнув упал. Филипп поразил его сзади в спину. Второй вынужден был отвлечься. Он бросился на мальчика.

– Берегись Филипп! – закричал граф Д.Арманьяк нанося мощный удар по лицу противника.

Нападавший бургундец явно недооценил Филиппа. Он видел перед собой ребёнка, и вероятно, поэтому решил одним ударом покончить с ним. Едва меч поднялся над головой Филиппа, тот изловчившись, воткнул меч снизу в горло противника. Подбежавший отец, лишь облегчённо вздохнул. Сделав короткую передышку, граф Д.Арманьяк оглядел кипящее вокруг него сражение. Неподдельное изумление и гордость почувствовал он, при виде своих рыцарей, которые не только не отступили, но и начали теснить бургундцев. Издав дикий рык, он с новыми силами бросился на бургундцев. Филипп сражался бок о бок со своим отцом. Рубка продолжалась более получаса. Д.Арманьяки стояли, словно изваяние из камней. Они отступали лишь тогда, когда умирали. Не выдержав столь яростного сопротивления, бургундцы вновь отступили, оставив на поле битвы не менее ста человек. Д.Арманьяков едва набралось бы тридцать, но бургундцы почему-то медлили с атакой и не нападали на них.

– Посмотри на бургундцев, Бернар – Монтегю, со лба которого сочилась кровь, ибо он был легко ранен, смеясь, указал на них, – они больше не верят в свою победу.

И действительно, бургундцы, что-то яростно обсуждали. Раскол в их рядах был совершенно очевиден.

– Возможно, нам удастся совершить чудо! – пробормотал граф. Он ласково и с любовью посмотрел на сына.

– Сегодня ты стал настоящим воином Филипп. Ты спас мою жизнь в настоящем бою. На колени виконт Д.Арманьяк.

Ещё не веря происходящему, Филипп преклонил колено перед отцом.

Граф Д.Арманьяк положил край окровавленного меча на плечо сына и торжественно произнёс.

– Посвящаю тебя в рыцари, сын мой!

Но тут его речь была прервана звуком труб, при котором бургундцы завопили от восторга. В конце улицы появился крупный конный отряд.

– Бургундская гвардия! Всё кончено! – граф усталым взглядом посмотрел на Монтегю.

– Мы погибли!

– Но мы ещё можем спасти жизнь Филиппа! – последовал ответ.

Граф воодушевился. Он наклонился к Филиппу и прошептал;

– Как только начнётся бой, беги Филипп!

Филипп кивнул в знак того, что понимает всё.

Бургундцы предложили Д.Арманьякам сдаться, но они гордо отказались.

– Тогда умрите! – закричали бургундцы, бросаясь на Д.Арманьяков.

Пешие воины под прикрытием двух сотен рыцарей ринулись в атаку. В течение четверти часа, почти все Арманьяки погибли. В живых остались только граф Д.Арманьяк и Монтегю. Их окружили плотным кольцом, обезоружили и повалили на землю. Гилберт де Лануа находился среди тех, кто собирался нанести поражающий удар, когда раздался голос маркиза Д.Антраг, капитана бургундской гвардии.

– Не убивать, брат живьём!

Гилберт де Лануа подскочил к капитану бургундской гвардии и закричал.

– Их нельзя оставлять в живых, их надо умертвить!

Капитан холодно посмотрел на Лануа.

– У меня приказ герцога Бургундского!

Лануа, кусая губы, отступил.

Графа Арманьяка и Ги де Монтегю бросили, связанными в повозку. Чуть позже туда бросили и связанного Филиппа. Отец и сын встретились взглядами. Филиппа тихо прошептал:

– Я не смог бросить тебя отец!

Ещё, перед тем как их увезли, Филипп увидел, как убивают безоружных людей, обагрняя их кровью стены святой церкви.

Глава 10

Заточение

Начавшись 25 сентября 1407 года, резня Арманьяков в Париже, длилась десять дней. За это время, весь Париж залили кровью Д,Арманьяков. Счёт убитых шёл на сотни и сотни. Мостовые и стены домов были в крови. Многие дома сожжены. Ночь дьявола проявилась во всей своей зловещей сущности. Убийства, грабежи и насилие, стали в эти дни, обычным явлением. Казалось, ничто не насытит кровожадную толпу, рыскающую по городу в поисках очередной жертвы. Встречаясь друг с другом, горожане, только и говорили о том, сколько Д,Арманьяков убил каждый из них. При этом в их голосах звучало такое торжество, словно они совершали богоугодное дело, а не братоубийство. Спроси кто-нибудь горожан, что плохого сделали Арманьяки, они наверняка бы затруднились ответить на этот вопрос. Впрочем, вопросы в эти дни не имели значения, равно и ответы, которых и вовсе не было, да и не могло быть. Единственные, у кого они были и которые знали и не только, а и направляли все эти дни резню Д,Арманьяков, подогревая ярость парижан – были члены ордена «Лионских бедняков». Возглавляемые Гилбертом де Лануа и Кабошом, который всякий раз показывал перевязанную руку, на которой отсутствовала кисть и похвалялся тем, что потерял её в схватке с Д,Арманьяками, возле церкви святой Кэтерины. Члены ордена находились все эти дни, неизменно на улицах Парижа. Они бдительно следили за тем, чтоб никто из Д,Арманьяков не ушёл от расправы и были самыми яростными из убийц. К исходу десятого дня, им это полностью удалось. Убийства, пошли на убыль, по той простой причине, что не осталось в живых ни одного из Д,Арманьяков, или их сторонников. Все кто выжил, покинули стены Парижа, ибо город нёс для них в своих объятиях, смертный приговор.

В отличие от горожан, которые пребывали, в отличном расположении духа, ибо словно звери, пресытились человеческой кровью, на «Старой Храмовой» улице, в доме покойного герцога Орлеанского, царила глубокая печаль.

Графиня Д,Арманьяк ломая руки, ходила по гостинной. Герцогиня Орлеанская лишь грустно наблюдала за ней. А что ей оставалось? Она ничем не могла помочь несчастной женщине, которая вот уже десять дней, не имела вестей о супруге и сыне.

Губы графини Д,Арманьяк всё время шептали:

– Господи, господи, не дай им погибнуть...господи, господи... спаси их! Я всю жизнь проведу в молитвах, благословляя твоё имя.

Увидев вошедшего в гостинную Дюше, графиня тотчас бросилась к нему и схватив его за руки, голосом идущим из глубин души, спросила:

– Что?

Они живы!

Ответ Дюше заставил графиню Д,Арманьяк расплакаться. Но то были слёзы счастья. Она обняла Дюше, принёсшего благую весть, повторяя:

– Благодарю вас сударь, благодарю...

– Сударыня...

Графиня тотчас посмотрела в глаза Дюше, которые он опустил, не в силах смотреть на графиню. И прежде, чем, Дюше сказал, то чего невозможно было утаить, графиня поняла, что услышит нечто ужасное.

– Они в Шатле. Завтра утром они будут прилюдно казнены!

– Мой мальчик? Филипп?

– Он тоже приговорён к смертной казни!

Графиня отшатнулась, а затем рухнула на колени и почти сразу после этого потеряла сознание. Дюше взял графиню на руки и уложил на софе. После этого он поклонился и негромко сказал адресуя свои слова герцогине Орлеанской.

– Если я понадобится, позовите!

Опечаленный тем, что принёс страшную новость, Дюше вышел.

Герцогиня Орлеанская и двое слуг захлопотали над графиней, пытаясь привести её в чувство. Это продолжалось недолго. Графиня пришла в себя. Едва она открыла глаза, как немедленно вскочила с софы и бросилась к двери.

– Милая сестра моя, куда ты направляешься? – окликнула графиню, герцогиня Орлеанская.

– К отцу! – не оборачиваясь, ответила графиня, – я должна спасти их.

Дюше выскочил на улицу, вслед за графиней Д'Арманьяк, которая даже накидка не взяла с собой. Несмотря на холод, она в одном платье, с распущенными волосами, которые развевались на ветру, торопливо пошла по направлению к дворцу герцога Бурбонского, который находился в двух кварталах от Старой Храмовой улицы. Дюше едва поспевал за графиней. На улицах Парижа было всё ещё небезопасно, а он дал слово охранять графиню. Не более чем через четверть часа, графиня в сопровождении Дюше, достигла ворот дворца. Стража у ворот, хотя и смотрела на них с крайним удивлением, тем не менее отворила ворота и пропустила их внутрь. Не чуя ног, графиня побежала по широкой дорожке, ведущей к внутренним воротам дворца. А ещё через несколько минут, она уже стояла перед кабинетом герцога Бурбонского. Сделав короткую передышку, графиня открыла дверь и вошла внутрь. Дюше остался ждать за дверью. В кабинете, за столом сидел герцог Бурбонский, мужчина лет шестидесяти и выговаривал что-то молодому человеку, стоявшему рядом с ним, с виноватым лицом.

Графиня прошла несколько шагов и упала на колени, протягивая руки к герцогу Бурбонскому. Голос её прерывался, когда она умоляющим голосом произнесла;

– Спасите отца!

Герцог Бурбонский хмуро смотрел на дочь.

– Вспомнила об отце, непокорная дочь?

– Я никогда не забывала о человеке, который был в моей жизни всем! Отец, ваша дочь умоляет вас, стоя на коленях. Заклинает именем матери и той любовью, которую питали ко мне – вы. Спасите моего супруга! Спасите моего сына!

– Твой супруг выбрал свою судьбу сам, бросив вызов герцогу Бургундскому, – безжалостно ответил герцог Бурбонский, – он был слишком горд, чтобы склонить голову, так пусть теперь склонит голову перед палачом. Вопреки моей воле ты вышла замуж за Д'Арманьяка, но это ещё полбеды. Ты своим отказом унизила герцога Бургундского, моего друга. Ты предпочла Д'Арманьяка – бургундцу, что ж, теперь пожинай плоды своего поступка. Я же и пальцем не пошевелю в защиту твоего супруга.

– Мой сын... спасите Филиппа... он ничего плохого не сделал – графиня заломила руки, в голосе послышались едва сдерживаемые рыдания.

– Выродок Арманьяков! – вскричал герцог Бурбонский, – пусть он умрёт, ибо для меня он никогда не был внуком. Он заслуживает смерти, не меньше, чем его отец, только тем, что появился на этот свет. Пойди прочь непокорная дочь. Самое большое что я сделаю, это поеду завтра на казнь, чтобы посмотреть, как прольётся кровь твоего супруга и твоего сына.

Дюше, слышавший каждое слово, произнесённое герцогом Бурбонским, не выдержал и ворвался в кабинет. Он поднял обессиленную графиню Д'Арманьяк, и придерживая за плечи повёл к двери. Бедняжке ничего не оставалось, кроме как покинуть дом отца, где она не нашла, ни понимания, ни сочувствия. Уже выходя, Дюше негромко бросил.

– Монсеньор, я от всей души надеюсь, что не наступит тот день, когда один из Д,Арманьяков придёт к вам вернуть долг, за оскорбление графини, ибо тогда этот день станет для вас, ещё более худшим, чем сегодняшний день, стал для миледи, вашей дочери.

Не дожидаясь ответа, Дюше вывел графиню на улицу.

Некоторое время, они простояли возле ворот дворца. Дюше отдал бы всё на свете, чтобы избавить графиню от той глубокой печали, которая владела всем её существом и ясно читалась в каждой чёрточке её лица.

– Я пойду к королю! – неожиданно сказала графиня.

– Миледи! Король вот уже несколько месяцев не принимает. Он болен. К тому же, он давно перестал интересоваться делами государства.

– Я знаю, знаю – у графини вырвался всхлип, но что мне ещё сделать, как им помочь, – графиня упала на грудь Дюше и разрыдалась.

– Проклятье – прошептал Дюше, пытаясь утешить графиню, я предпочёл бы быть на месте вашего супруга, а не на вашем, ибо вы страдаете неизмеримо больше.

Оставим на время графиню и Дюше. Обратим свой взгляд на Шатле, крепость – тюрьму, построенную для содержания государственных преступников.

Именно сюда, на верхний этаж поместили графа Д,Арманьяк, Филиппа и Ги де Монтегю. С первых минут своего заточения, мысль о побеге не покидала узников, однако они находились в Шатле, а это значило, что нечего было даже мечтать о побеге. Высокие каменные стены и железные двери, не оставляли никакой возможности для побега. К тому же, охрана на этаже, во внутреннем дворе и на стенах, бдительно следила за поведением заключенных. Существовала надежда, что можно будет договориться с охраной, подкупить её, но она настолько враждебно относилась к узникам, что они вынуждены были и эту мысль отбросить. Всё что им оставалось – это ждать. Что они и делали.

Камера была довольно просторной. На полу лежала большая охапка сена, на которой почти всё время полулежали граф Арманьяк и Ги де Монтегю, размышляя о всевозможных способах побега. Филипп, не участвовал в разговорах, больше того, он не произнёс ни слова, с момента ареста. Целыми днями напролёт, он, прижавшись лицом к решёткам маленького окошка смотрел на Сену. Все попытки заговорить с ним, заканчивались неудачей. Филипп упорно молчал. Но подавленным отнюдь не выглядел. Скорее это можно было назвать равнодушием. Если Филипп и был ко всему равнодушен, граф ломал голову. Он искал выход, чтобы спасти жизнь сына. О своей жизни он не думал. Но к его глубокому отчаянию, выхода не существовало. Они все, в том числе и Филипп, были обречены. За день до казни, Филипп по прежнему смотрел не отрываясь в окно, а его отец с Ги де Монтегю в тысячный раз перебирали все возможности побега. Они вели приглушённую беседу, но Филиппа совершенно не интересовала эта беседа. Стража, с утра вела себя непозволительно наглым образом. То и дело слышались оскорбления в адрес арестантов, которые приводили последних в ярость. Они вскакивали с места и подсакивая к двери, громко кричали;

– Дайте нам меч и мы покажем вам, чего стоят ваши насмешки! Подлецы! Мерзавцы!

На один из таких порывов, охрана с хохотом ответила:

– Лучше взгляните на своих друзей, они как раз проплывают мимо!

Услышав слова стражи, Филипп впервые отошёл от окна и присел на корточки в углу камеры, скрестив руки. Граф Д,Арманьяк и Ги де Монтегю бросились к окну. У них почти одновременно вырвался крик ярости. Течение Сены несло мимо них несколько мёртвых тел.

– Они плывут, все эти дни! – раздался тихий голос Филиппа.

Граф опустил на колени перед сыном.

– Господи, Филипп, все эти дни ты смотрел... – слов не хватало, граф обнял сына. Филипп крепко обнял отца.

Монтегю тоже опустился на колени и воздев руки, прошептал;

– Господи, не за себя прошу, а за Филиппа. Спаси ему жизнь, спаси...молю тебя, ибо только тогда я умру зная, что ни один из врагов наших не уйдёт от наказания.

Утро казни неумолимо наступало. Отец и сын о чём то тихо беседовали. Монтегю поглощённый, собственными мыслями о вечности, не слышал их. В одиннадцать часов, двери камеры со скрипом отворились, пропуская священника, в сопровождении стражи.

– У вас ровно один час, – предупредил стражник, затворяя за собой дверь.

Священник пристально оглядел приговорённых к смерти. Взгляд священника чуть дольше задержался на Филиппе. Через некоторое время после прихода священника, раздался его негромкий голос:

– Я отец Себастьян, прислан исповедовать вас, перед долгой дорогой, к отцу нашему небесному. Дети мои, для вас настал час исповеди. Облегчите свои души, перед длительной дорогой, дабы создатель наш всемогущий, открыл перед вами двери царства своего и принял в свои объятия.

Ги де Монтегю опустился на колени перед священником.

– Раскайся в грехах своих, сын мой, облегчи душу, прими господа нашего в своё сердце. Благословляю тебя от его имени. Во имя отца! Сына! И святого духа!

Священник осенил Монтегю, чем немало удивил его.

– Я ведь ещё не начинал исповеди, святой отец!

– Ты чист душой и сердцем, сын мой! И господь видит это!

– Надеюсь, – пробормотал Ги де Монтегю, начиная исповедь, – отец я грешен. Я убивал людей, но никогда из личных выгод. Я изменял своей бедной жене, и в эту минуту раскаиваюсь в содеянном. Я был плохим отцом моему сыну. Я оставил его одного, перед лицом коварных и могущественных врагов и это тяготит меня, ибо я не смогу более служить ему защитой.

– Господь защитит! Продолжай.

– Мне нечего добавить святой отец. Я прожил тридцать пять лет и прожил достойно.

Священник перекрестил Монтегю.

– От имени и во имя господа нашего, отпускаю грехи твои сын мой. Пусть мир и спокойствие воцарятся в твоей душе. Умри без страха сын мой, ибо господь пошлёт своих ангелов навстречу тебе. Благословен будь. Именем господа нашего, Иисуса Христа, – священник вновь перекрестил Монтегю.

Монтегю поцеловал руку священника и уже усаживаясь рядом с Филиппом, пробормотал себе под нос;

– Странный священник, клянусь честью!

– Во имя отца, сына и святого духа – священник перекрестил графа Д.Арманьяк.

– Святой отец – мучительно заговорил граф Арманьяк, – я грешен, ибо обрекаю своего единственного сына на смерть. Я один буду виновен в его смерти. И я потерян. Я не знаю, что мне делать. Смерть не страшит меня, но груз вины за моего сына невыносим. Меня гнетут и сотни других жизней, погубленных по моей вине. Я тот человек, который должен был защитить их. Но я не смог. Кровь безвинных на моих руках.

Священник выслушал откровение графа.

– Отпускаю грехи твои сын мой. Господь всё видит. Ты не повинен в том, что безвинные люди погибли. Ты не повинен в том, что сын твой единственный ждёт смерти, ибо поступил как истинный католик, верующий в Бога. Ибо сделал всё возможное, пытаясь спасти жизни безвинных, жертвуя своей жизнью и жизнью сына своего. Это ли не высшая добродетель? Господь всё видит и воздаст тебе по заслугам, в доме своём. Пусть мир и спокойствие воцарятся в твоей душе! Во имя отца, сына и святого духа! Отпускаю все твои грехи! – священник вновь перекрестил графа.

Граф отошёл, уступая место Филиппу, но тот не сдвинулся с места, окидывая священника холодным взглядом.

– Подойди, сын мой! – позвал Филиппа священника.

– Исповедаться следует не мне, а таким как вам. Лицемерам в монашеской одежде, – резко ответил Филипп.

– Филипп, ты богохульствуешь – прикрикнул на него отец, – поцелуй руку святого отца и прими благословенье божье.

– Поцеловать руку? – Филипп устремил гневный взгляд на священника, – такая же рука закрыла дверь перед сотнями людей, обрекая их на смерть.

Священник печально улыбнулся.

– Самое страшное в твоих словах то, что они правдивы. Это я был за дверью церкви Святой Катерины. Взорвавшись наверх, я наблюдал сражение. Каждый из вас, ежеминутно совершал чудеса, неподвластные человеческому разуму, во имя спасения безвинных людей. Вы жертвовали своими жизнями, когда мне надо было, всего лишь отворить дверь церкви. Я видел, как вас связали и увезли, но вы не видели, что происходило потом на ступенях святой церкви. Блажены дети, которые не увидели смерть своих матерей. Блажены матери, которые не увидели смерть своих детей. Стоны невинноубиенных до сих пор стоят у меня в ушах. Я позволил им свершить это злодеяние. И за это, ни господь, ни я сам, себе не прощу. Я единственный грешник среди вас. Я покидаю лоно церкви сегодня, ибо мира в моей душе и прежней веры нет. Будьте благословенны!

Священник перекрестил всех и покинул заключённых.

Глава 11

Казнь

На улицах Парижа творилось нечто невообразимое. Тысячи горожан, вышедшие в то утро из своих домов, исступлённо выкрикивали:

– Смерть Д'Арманьякам! Слава герцогу Бургундскому!

Казнь должна была состояться на площади Пилори, где проводились казни чаще всего. Площадь находилась в непосредственной близости от Шатле.

За день до казни, на площади соорудили деревянный помост. В середине помоста поставили плаху. Вокруг помоста, полукругом, соорудили длинные деревянные скамьи, которые имели в высоту несколько рядов. Таким образом, каждый следующий ряд возвышался над предыдущим. Сделано это было для того, чтобы высшая знать, для которой и соорудили эти скамьи, могла свободно наблюдать за казнью. В середине этого сооружения, поместили два кресла – для короля и королевы. Мало кто верил в то, что король Франции, заточивший себя во дворце Сен-Поль, и не покидавший его стен, несколько месяцев, приедет на казнь. Тем не менее, кресло для него было приготовлено.

Уже к семи часам утра, близлежащие улицы к площади, были забиты народом, который в эти дни буквально сходил с ума, выражая свою преданность герцогу Бургундскому. Все лавки Парижа, в которых продавалась красная, или лиловая ткань – опустели. Парижане покупали всё, что даже отдалённо напоминало цвета Бургундии. Множество людей находящиеся на улицах в это утро были облачены в одежды ярко – красно покроя. Немало людей прикрепили к своим плечам живые цветы. У других на груди красовались Андреевский кресты. Все эти детали равно воздавали дань восхищения новому властителю Парижа, да и наверно большей части Франции, ибо не было более могущественного человека, нежели герцог Бургундский. Весь народ с нетерпением дожидался полудня, назначенного времени для казни.

Ближе к одиннадцати, когда в тюрьме Шатле, осуждённые начали исповедоваться, к площади начали съезжаться кареты со знатью. Знать немедленно занимала места вокруг помоста. Народ слабо приветствовал знать. Знать их не интересовала.

Появление королевы и что совершенно удивительно, короля Франции, было встречено приветственными криками. У короля, по всей видимости, настало временное просветление, которое чередовалось с приступами безумия. Мало кто ожидал его появления и меньше всех королева. И тем не менее, с её уст не сходила счастливая улыбка. Королева выглядела так будто безмерно счастлива присутствием его величества.

Король первым вышел из кареты и не оглядываясь на королеву, что выглядело несколько грубовато, в сопровождении небольшой свиты, прошёл к своему месту. Один из придворных короля – Буа-Бурден, предложил королеве руку, на которую она и опёрлась, выходя из кареты. Он же проводил королеву до её места рядом с королём. И только после того, как она села, удалился.

Едва королевская чета заняла свои места, как раздался мощный взрыв приветственных криков.

– Да здравствует герцог Бургундский!

– Слава Бургундии!

– Слава великому герцогу!

Герцог Бургундский ехал на белом коне, облачённый в блестящие доспехи, на которых был выбит крест святого Андрея. Андреевский крест лилового цвета так же был вышит на

плаще, прикреплённого к плечам сзади. Герцога сопровождали двадцать рыцарей, роскошное облачение которых намного превосходило облачение королевской свиты.

Приветствуя парижан благосклонной улыбкой, которая почти не сходила с губ Герцога бургундского и под несмолкающие крики, он спешил и направился на отведённое ему место, рядом с королевой Франции.

– Ваше величество! – герцог поклонился королю, тот в ответ кивнул.

– Мадам! – герцог Бургундский поцеловал протянутую руку королевы, задержав её, чуть дольше положенного. В этом был весь герцог. Он считал, что ему положено немного больше нежели всем остальным смертным.

Королева сделала попытку покраснеть, но у неё не получилось. Герцог Бургундский сел справа от королевы, чуть ниже её.

– Я у вас в долгу! – шепнула ему королева, – вы избавили меня от этого несносного Д,Арманьяка.

– Надеюсь, Мадам, – герцог Бургундский устремил на королеву страстный взгляд, – вы найдёте способ отблагодарить меня?

– Я думаю над этим! – королева кокетливо улыбнулась герцогу Бургундскому.

– Я слышал, вы были в плену кузен?! – не вовремя раздался голос короля, – крестовый поход закончился плачевно. Турки разбили вас под Никополем. Надеюсь, вы не слишком страдали в плену, у турок?

Герцог Бургундский, был явно озадачен словами короля.

– Я пробыл в плену менее года, Сир. К тому же эти события имели место одиннадцать лет назад.

– Время скоротечно кузен! – король вздохнул, погружаясь в обычное состояние полного безразличия.

Никто из тех, кто слышал слова короля, так и не понял, что он имел в виду.

По новому взрыву криков и проклятий, все поняли, что осуждённые покинули Шатле. И действительно, ровно без четверти двенадцать, повозка, запряжённая двумя чёрными быками, в которой, стоя везли заключённых, покинула стены Шатле.

Впереди заключённых, следовала небольшая процессия. Вся процессия была облачена в престранные одежды. У всех на головах были венки из роз. Процессия пела какую то весёлую песню. В общем, создавалось впечатление, будто затевается некое торжество, а не казнь. Повозку с заключёнными сопровождали десять стражников, ехавших по обе стороны. Люди, сыпля проклятиями в адрес осуждённых нехотя расступались перед процессией. Проклятия сыпались на заключённых не переставая, отчего в воздухе повис, непрекращающийся гул. Но люди не ограничились одними проклятиями. У многих в руках оказались гнилые помидоры и яйца, которые тут же были пущены в ход.

– Смерть подлым Д,Арманьякам! Смерть изменникам!

Все трое сохраняли невозмутимый, а правильнее сказать – равнодушный вид. Ни яйца, ни гнилые помидоры, ни многочисленные проклятия, никак не сказывались на выражении их лиц. Лишь граф Д,Арманьяк изредка бросал на сына обеспокоенный взгляд. Филипп держался с непоколебимой твёрдостью. Со стороны казалось, будто он вообще ничего не замечает.

Всё верхнее одеяние осуждённых состояло из белой рубашки, на которой после попадания яиц и помидоров то и дело оставались следы желтоватого и красноватых оттенков.

Осуждённые, под непрекращающийся град проклятий, достигли площади Пилори. Их вывели из повозки и подвели к помосту с плахой. Огромного роста палач, с крепкими ручищами, в которых легко умещалось древко топора, стоял на помосте и следил за осуждёнными.

Гилберт де Лануа, распорядитель казни, поднялся на помост и коротко бросил палачу;

– Приступай!

– Среди них ребёнок! – последовал неуверенный ответ палача, – мне не приходилось казнить детей.

– Придётся! – коротко ответил Гилберт де Лануа, покидая помост.

Палачу не понравились эти слова. Сквозь прорезь маски, глаза палача с неприязнью следили за мрачной фигурой Гилберта де Лануа.

Герцог Бургундский встал со своего места и взмахнул белым платком.

Ги де Монтегю поднялся на помост. Прочитав короткую молитву и бросив последний взгляд на своего друга, он встал на колени и положил голову на плаху.

Палач одним уверенным ударом, отсёк ему голову.

– Прощай мой друг! – тихо прошептал граф Арманьяк, – скоро мы вновь увидимся.

Он снял со своего пальца перстень – символ дома Д,Арманьяков и протянул Филиппу.

– Пусть недолго, но ты станешь графом Д,Арманьяк!

Отец с сыном крепко обнялись.

– Прости меня! – прошептал граф, когда подручные палача повели его на казнь.

Огромная толпа замолчала, в ожидании того, как падёт голова, главного из Д,Арманьяков.

Граф Арманьяк встал на колени и собирался положить голову на плаху, когда услышал голос сына:

– Монсеньор, для меня было честью жить рядом с вами. Для меня будет честью умереть рядом с вами!

Светлая улыбка осветила лицо графа. Не колеблясь, он положил голову на плаху.

– Бернар, муж мой! – раздался душераздирающий крик.

Женщина с растрёпанными волосами пыталась пробиться к плахе, но стража её не пускала. Палач опустил топор, на глазах рыдающей графини и на глазах Филиппа. Толпа приветствовала смерть графа Д,Арманьяк восторженными криками. Филипп, не ожидая когда его поведут на помост, легко вскочил на него и пока убирали тело его отца, гневно закричал в толпу.

– Замолчите, слышите вы, все замолчите. Имейте уважение если не к графу Д,Арманьяк, который в жизни не сделал ничего плохого, так хотя бы к сыну потерявшему отца.

Филипп стоял на помосте, в крови собственного отца и весь его облик пылал гневом и яростью. Он смотрел прямо в толпу. И люди, поражённые необыкновенной смелостью и непредсказуемым поведением мальчика, невольно один за другим замолкали. Дождавшись, когда наступит полная тишина, Филипп повернулся к палачу и с твёрдостью, поразившую свидетелей этой сцены, бросил:

– Я в вашем распоряжении мэтр!

Герцог бургундский встал, собираясь подать сигнал к казни, но был остановлен графиней Д,Арманьяк. Несчастная женщина бросилась к ногам герцога Бургундского.

– Пощадите моего сына, пощадите, – умоляла женщина. – Великодушный герцог, пощадите его, Герцог Бургундский поднял за плечи графиню Д,Арманьяк. Её тут же оттащил в сторону. Графиня ни на миг не переставала молить о помощи.

Герцог Бургундский выждал короткое время, а потом громко заговорил.

– Жители славного города Парижа, я не хочу стать детоубийцей. Поэтому я согласен пощадить последнего из Д,Арманьяков, хотя он собственноручно убил пятерых бургундцев.

При этих словах, Гилберт де Лануа обменялся беспокойными взглядами с Кабошем, который более всех предвкушал смерть Филиппа, потому что узнал в нём того, кто лишил его части руки.

– Если этот мальчик поклянётся мне в верности, я пощажу его! – закончил герцог Бургундский, совершенно довольный собой.

– Клятву! Клятву! – раздался нестройный хор голосов.

Филипп видел горестное лицо матери и слышал её слова.

– Клянись Филипп, клянись!

Филипп поднял правую руку. Всё вокруг него мгновенно затихло. Люди с нетерпением ждали, когда он заговорит. Филипп не заставил себя долго ждать.

– Клянусь! – громко и отчётливо заговорил Филипп, – клянусь вам, герцог Бургундский, если вы помилите меня... Филипп сделал паузу, глядя на довольную улыбку герцога Бургундского, – клянусь, где бы вы не были, где бы не прятались, я настигну вас и убью, не дав времени на покаяние, – голос Филиппа взлетел высоко. – Гордость и Честь! Слава и Доблесть! Бесстрашие и Отвага! Вот девиз Д'Арманьяка! А теперь делайте то что должны, мэтр! – Филипп встал на колени и положил голову на плаху. Потрясённые зрители не верили происходящему. Столько мужества было в Филиппе, что все вокруг просто растерялись. Все за исключением герцога Бургундского, который с перекошенным лицом взмахивал белым платком, к великой радости Лануа и Кабоша.

– Филипп, мой мальчик, Филипп..... рыдающую графиню никак не могли оттащить от помоста.

Время шло, но палач почему-то медлил. Он не подходил к осуждённому. Видя медлительность палача, герцог Бургундский снова взмахнул белым платком, подавая сигнал к началу казни. И тогда Париж увидел нечто неподдающееся никакому воображению. Палач выпустил из рук топор. Потом медленно снял с головы маску, скрывающее его лицо и опустившись на колени, протянул руки в сторону короля, произнося всего одно слово:

– Милости!

Толпа взорвалась.

– Слава Капелюшу! – кричала толпа. – Слава Парижскому палачу!

– Приказываю казнить Д'Арманьяка – заорал во всё горло герцог Бургундский.

– Замолчите кузен! – раздался спокойный голос короля Франции, – палач не к вам обращается!

Никто не ожидал этих слов и менее всего герцог Бургундский. Король встал.

– По закону славного города Парижа, палач единожды за всю свою жизнь имеет право просить помилования для осуждённого на смерть. И никто, даже король Франции, не вправе отказать ему. Палач воспользовался своим правом, мы же воспользуемся своим. Поднимитесь с колен, граф Арманьяк, де Фацензак, де Родез, герцог де Немур! Отныне вы свободны!

– Да здравствует король! – толпа восторженно приветствовала слова короля, ибо нет для парижанина, ничего дороже законов города. По этой причине слова короля нашли глубокий отклик в сердцах у горожан. В этот миг, Д'Арманьяки перестали быть врагами Парижан, впрочем они ими никогда и не были.

Герцог Бургундский мрачно поглядывал на короля, который унизил его прилюдно. Такого герцог Бургундский никому не прощал.

Филипп протянул руку палачу, спасшего ему жизнь. Тот с необычайным благоговением пожал протянутую руку, словно это была рука короля или принца крови, впрочем, знатностью граф Д'Арманьяк не уступал ни тем ни другим. Все зрители наблюдали, как посреди помоста с плахой, мальчик пожимал руку палача и все услышали слова, которые он произнёс:

– Я прощаю вас за смерть моего отца. А за то, что вы дали возможность, отомстить за него, я буду благодарен вам, всю свою жизнь, – и уже спускаясь с помоста, Филипп добавил, – я вернусь за телами моего отца и Монтегю.

Едва Филипп сошёл с помоста, как сразу же попал в объятия своей матери, которая беспрестанно целовала его, а затем, взяв за руку потащила за собой.

Глава 12

Палач

Насколько проводы одного из Д'Арманьяков отличались от встречи. Многие добродушные матроны, да и некоторые почтенные горожане, прослезились, увидев мать с сыном вместе. Грустно вздыхая, они приговаривали:

– Досталось беднягам, настрадались мать и сын. Но слава господу, теперь для них мученья закончились.

Многие на площади Пилори думали о том же. Многие, но только не палач. Капелюш, не до конца осознавший для себя, почему он так поступил. Он спас жизнь мальчика, но погубил собственную. Не могло быть и речи о дальнейшем пребывании в роли палача. К тому же он подверг свою жизнь опасности, потому что, родственники казнённых им людей наверняка видели его лицо и могли отомстить. Палач прервал свои невесёлые размышления. Он заметил то, что укрылось от всех остальных. Гилберт де Лануа вёл молчаливый диалог с неким толстяком, в котором палач сразу признал главу гильдии Парижских мясников – Кабоша.

Обмен взглядами длился всего несколько мгновений, но от Капелюша не укрылся истинный смысл этого немого разговора. До того, как Кабош кивнув головой начал пробираться из толпы, Капелюш понял, что жизнь мальчика снова в опасности. Бросив взгляд ненависти на герцога Бургундского, Капелюш поднял брошенный топор и стал искать в толпе Кабоша.

Неожиданно, черты лица Капелюша исказила злоба. Он увидел Кабоша, а с ним ещё четверых мужчин в чёрных плащах, которые шли следом за Филиппом и графиней Арманьяк.

– Не бывать этому! – пробормотал Капелюш.

Спрыгнув с помоста, с топором в руке, он начал пробираться сквозь толпу. Все вокруг пытались дотронуться до Капелюша, ибо впервые им довелось оказаться рядом со знаменитым парижским палачом. По причине этих задержек, Капелюш потерял драгоценные минуты. Когда, наконец, он выбрался из толпы, мужчины и мальчик с матерью пропали у него из виду.

– Дьявол! – вырвалось у Капелюша, – если они только посмеют тронуть мальчика, я собственными руками вырву сердце у герцога Бургундского.

Капелюш побежал так быстро, как только мог, отпугивая своим безумным видом и сжимающим в руке топором, многочисленных прохожих, которые попадались по пути. Он обегал все близлежащие улицы, но те, кого он искал словно исчезли. Капелюш почти отчаялся, когда до него донёсся слабый крик. Крик доносился с набережной Сены, которая была не более, чем в пятидесяти шагах от того места где стоял Капелюш.

Только бы успеть – подумал Капелюш мчась в сторону доносивших криков, которые с каждым мгновением становилось всё отчётливее. Капелюш добежал до конца улицы. И едва она закончилась, как он одновременно увидел всех тех, кого искал. Они стояли в двух шагах у кромки реки, возле разбитой лодки. Двое мужчин держали Филиппа, а Кабош, левой здоровой рукой, которая сжимала нож, пытался убить его, но на нём висела графиня, которая кусала и царапала Кабоша, не давая ему приблизиться к сыну. Ещё двое пытались отодрать графиню от Кабоша и видя что им это не удаётся, стали вонзать в её тело кинжалы. Капелюш взревел от злости и подняв топор бросился на убийц. Он подоспел в тот момент, когда Кабош свалился на землю вместе с графиней Д'Арманьяк. Спасая сына, графиня получила около десятка ранений, но даже в таком состоянии она крепко вцепилась в Кабоша. Кабош с громкой бранью пытался от неё отцепиться. Двое других собирались расправиться с сыном, точно так же как с матерью, но топор Капелюша достиг первого, опускаясь ему на голову. Второй вынужден был повер-

нуться лицом к Капелюшу, иначе рисковал последовать за своим сообщником. Между ним и Капелюшем завязалась борьба. Двое из тех кто держал Филиппа, выпустили его из рук, для того, чтобы помочь своему сообщнику. Капелюш сумел достать топором ещё одного, который замертво рухнул на землю, но в это время, поднявшийся с земли Кабош, воткнул Капелюшу нож в спину.

– Беги! – теряя силы, закричал Филиппу, Капелюш.

Филипп бросился наверх, к площади, но путь ему преградил злобно усмехающийся Кабош.

– Сена – твоё единственно спасение! – в этот крик Капелюш вложил остатки своих сил.

Филипп раздумывал лишь одно мгновение. Он находился в окружение трёх убийц и не было иного выхода кроме как броситься в реку. Разбежавшись, благо путь к воде был свободен, ибо убийцы не ожидали от него подобного, Филипп бросился в Сену и быстро поплыл.

Все трое убийц подбежали к кромке воды и злобными взглядами следили за плывущим Филиппом.

– Да он сдохнет в холодной воде! – Кабош захохотал при виде того, с каким трудом даётся Филиппу каждый гребок, – пошли отсюда.

– Подождём, пока он умрёт!

– У меня другое мнение, – раздался рядом с ними голос Гилберта де Лануа.

Соскочив с лошади, он взял притороченный к седлу арбалет и вложив стрелу, подошёл к кромке воды, вставая рядом с Кабошем. Филипп плыл не щадя своих сил, но всё же находился достаточно близко от берега. Гилберт де Лануа внимательно прицелился. Арбалет двигался за Филиппом. Гилберт де Лануа выпустил стрелу, почти сразу же после этого издав крик восторга, как впрочем и все остальные. Стрела попала в Филиппа и он сразу ушёл под воду.

– Ну, вот и всё братья! – Гилберт де Лануа мрачно усмехнулся, – Д'Арманьяка больше нет. Отец Вальдес будет доволен.

Прежде, чем уйти, Кабош нагнулся над Капелюшем. Вначале, он выколол глаз палачу, а затем исполосовал всё его лицо кинжалом.

Ну вот, теперь его никто не узнает!

Голова Филиппа показалась над водой. Грудь поспешно набирала воздух, которого Филипп был лишён в течение долгого времени. В левом плече торчала стрела. Он терял кровь. А самое худшее из всего состояло в том, что он больше не мог плыть. Филипп посмотрел назад. На берегу никого не было. У него не осталось выбора. Если даже убийцы поджидают его, он должен вернуться, ибо здесь в холодной воде, раненный, он долго не протянет. Филипп, орудуя лишь одной правой рукой, поплыл к берегу. Всё тело сводили спазмы, плечо почти перестало слушаться. Огромным усилием воли он заставлял себя плыть. Он добрался до берега, когда почти потерял сознание от боли и сковывающего тело холода. Цепляясь руками за землю, он выполз на берег и почти сразу после этого, впал в небытие.

Филипп не знал, сколько часов он провёл в бессознательном состоянии, но пришёл в себя от того, что увидел над собой лицо какой-то женщины, которая нагнувшись, внимательно рассматривала его. Филипп выпростал из под себя правую руку, чем напугал женщину, которая приняла его за мёртвого, как и остальные два тела. Рука почти не подчинялась Филиппу. Она одеревенела. Grimаса боли исказило лицо Филиппа, когда он всё же сумел снять с себя крест и протянуть женщине:

– Прошу, отдайте это – женщина наклонилась к голове Филиппа, но даже в таком положении едва различала его шёпот, – его преосвященство Мелеструа... аббатство Сен – Дени. – Филипп снова потерял сознание.

Глава 13

Май 1418 года

Необычайно красивое зрелище – представляло собой, восходящее на горизонте солнце. Словно невидимая, оранжевая стена, оно заслонило собой весь горизонт, отбрасывая свои блестящие и переливающие блики на спокойные воды Средиземного моря. Зрелище поистине потрясающее по своей красоте. На сотни миль вокруг, отражение солнца следовало за кораблями, носившимися, по Средиземному морю, как сейчас оно следовало за одномачтовым фрегатом, словно пыталось догнать его. Фрегат двигался не очень быстро, хотя попутный ветер и возможности фрегата, позволяли довольно заметно ускорить ход. Однако, этого не происходило и тому была причина. Пролодав большую часть пути из Испании, фрегат приближался к Марселю. Фрегат принадлежал Кастильскому королевскому дому. Все они, имеется ввиду королева Кастилии и Арагона-Иоланта Арагонская и её двое детей – герцог Барский и Мария Анжуйская, а также племянница королевы – Мирианда Мендос, дочь герцога Мендос, находились на борту этого судна. Покинув родные края, они направлялись во Францию, где собиралась присутствовать на празднествах в честь совершеннолетия Дофина. События весьма важное и значительное, учитывая то обстоятельство, что наследник французского престола, ещё не был женат. И, несмотря на то, что положение Дофина являлось весьма непрочным., многие королевские дома лелеяли мечту породниться с ним, ибо корона Франции во все времена была самым лакомым кусочком. Слегка приоткрыв истинную цель поездки Кастильской королевской семьи во Францию, мы не станем останавливаться и познакомимся с ними.

В данную минуту, когда фрегат слегка покачиваясь разрезал носом, воды средиземного моря, в одной из десяти кают корабля, которая была десять шагов в ширину и четыре в длину, и где кроме деревянного стола и нескольких стульев, почти ничего не было – вели оживлённую беседу трое молодых людей. Первый, молодой человек весьма небольшого роста, с невыразительными чертами лица, которые ещё более портил глубокий шрам разделявший его нос на две, почти ровные части, и который обладал удивительно живыми, чёрными глазами, был герцог Барский. Рядом с ним сидела, его родная сестра, Мария Анжуйская. Ей исполнилось 16 лет. Мария Анжуйская также была невысока ростом. У неё были чёрные глаза, которые скрывались за плотным рядом густых ресниц. Мария Анжуйская была неплохо сложена и не лишена обаяния, которая выражалось в данный момент, в мимолётной улыбке, обращенной к брату, который, в свою очередь, увлечённо, что-то высказывал своей кузине – Мирианде Мендос. Мирианда Мендос, была, всего на год старше своей кузины и превосходила её во всём. Она была выше ростом и, без всякого сомнения, являла собой образ южной красоты. Так же как кузина, Мирианда была обладательницей смуглой кожи, впрочем, свойственной почти всем южанам. У неё были карие глаза с сероватым оттенком, длинные ресницы и тонкие выгнутые брови. Безукоризненный овал лица обрамлял тонкую шею. Маленький рот с длинным рядом белоснежных зубов, открываясь, всякий раз, выражал столько обаяния, что невольно возникало чувство восторга и желание смотреть вечно на эту чудесную улыбку. Одежда молодых людей, отличалась роскошью и утончённым вкусом, как и манеры, которыми они обладали с детства. Однако, нам стоит на время оторваться от описаний и послушать, о чём говорил герцог Барский постоянно жестикулируя руками и почему, слыша его речь, Мария Анжуйская улыбалась, а Мирианда Мендос, то бледнела, то внезапно покрывалась пунцовым румянцем, то опускала глаз, не в силах смотреть на своих кузена и кузину.

– Ах кузина, – говорил вздыхая герцог Барский, словно он получил некое печальное известие, однако при этом его выражение лица, которое совсем не вязалось с его голосом, а также частое подмигивание Марии, говорили о совершенном обратном. – ах кузина, видит

бог, я искренне сочувствую вам, хотя вы и не желаете открыться нам, вашим лучшим друзьям. Но всё же, поверьте, мы отнюдь не слепые. А ваше чувство, клянусь душой моего отца, лишь слепец не заметит. Как я вам завидую кузина, как завидую. Вы познали чувство, к которому я стремлюсь всей душой, однако, мне в отличие от вас, не суждено его испытать. А ведь моя любовь находится недалеко, я в этом убеждён, – герцог Барский едва сдержал улыбку и бросив озорной взгляд на Марию и придав голосу глубокую меланхолию и грусть, продолжал, – так же, как я убеждён, что ваш избранник..... Санито де Миран.... При упоминании этого имени, Мирианда побледнела, потом резко покраснела, её ресницы, вспорхнули, словно испуганные птички, она заморгала и сразу же опустила глаза, не в силах ни отвечать кузену, ни смотреть на него.

– Вот ты и попалась дорогая кузина – герцог Барский и Мария весело захохотали, перебрасываясь при этом озорными взглядами.

– Мирианда никогда не признается, так что не старайтесь понапрасну, любезный брат, – лукаво заметила Мария.

– Ты ошибаешься кузина! – пылко возразила Мирианда, чем привела и брата и сестру в изумление, ближе вас, у меня нет никого и, вам я могу признаться...

Мирианда доселе избегающая прямых взглядов, подняла пылающий взор и с голосом, в котором слышалась неприкрытая печаль и глубокое отчаяние, продолжала:

– я влюблена, безумно влюблена. Господь да простит меня за эти слова, но лишь один его взгляд и мне кажется, будто я умираю, будто душа моя возноситься к небесам. При виде его, я, неспособна думать, я неспособна мечтать, разве только о нём, как каждый день, каждую минуту, которые пролетают как незаметные мгновения рядом с ним и превращаются в вечность, вдали от него. О кузен, о кузина, я в смятении, моя душа, моё сердце, принадлежат ему, только ему одному. И это не изменить, ибо он властвует надо мной, сам того не понимая. Вы мне скажете, что моя любовь всего лишь глупая мечта. Всего лишь, бессмысленная надежда, – с невыразимой грустью, от которой лицо её стало более одухотворённым, продолжала Мирианда, – что Санито де Миран, всего лишь безвестный дворянин, который никогда не станет мне супругом, ибо мы с ним далеки по своему положению друг от друга. Настолько далеки, что эту пропасть ничем не заполнить. Но я без раздумий, с огромной радостью и счастьем, отдала бы всё своё богатство, положение, в обмен на его любовь, за право назвать его своим супругом.

После того, как Мирианда выговорила, открыв перед ними своё сердце, возникло неловкое молчание, ибо, подшучивая над своей кузиной, герцог Барский и не подозревал, насколько глубоки её чувства. Что касается Марии, она просто обняла свою кузину, чувства которой вызвали у неё живейшее сочувствие. Пока обе девушки застыли в нежном объятии, герцог о чём-то напряжённо раздумывал. Через минуту, его размышления вылились в крик восторга, который напугал обеих девушек. Разомкнув объятия, одна с укором, а другая несколько обиженно смотрели на торжествующего герцога.

Мария Анжуйская показала язык брату.

– Вот чего ты заслуживаешь более всего!

– Вот как? – герцог изобразил обиженный вид, – как желаете. А ведь у меня появилась прекрасная идея, которая могло бы помочь дражайшей кузине, однако если вам это неинтересно, я, – герцог Барский сделал вид, будто собирается подняться.

– Очень интересно! – вырвалось у Марии, в то время как у Мирианды на лице появилось новое облачко грусти, ибо она считала, что кузен вновь насмехается над ней.

– Мы заключим союз! – торжественно объявил герцог.

– Какой союз? – не поняла Мария.

– Да какой ещё может быть союз, как не тот, который поможет кузине получить своего возлюбленного?! – удивился герцог Барский.

На красивом челе Мирианды мелькнула тень надежды.

– Только не говори мне, что собираешься помочь Мирианде, – с явным недоверием в голосе бросила Мария.

– Вот тебе и благодарность святой Педро, – обиделся герцог Барский, – я бы не помог Мирианде, ни за что на свете в любом другом случае, но этот исключение.

– И почему, скажите на милость? – полюбопытствовала Мария Анжуйская.

Мирианда едва успевала переводить взгляд с кухни на кузена, которые обсуждали её судьбу так, словно она здесь вообще не находилась.

– Да потому святая наивность, – довольным голосом ответил герцог, – что Санито де Миран, вовсе не похож на остальных. Да он безвестный дворянин, но в нём столько достоинства и гордости, что даже я, к стыду моему должен признаться, что завидую ему. Он некоторое время находился рядом со мной, или я рядом с ним, считайте как угодно. Так вот этот человек образец мужского достоинства. У него нет недостатков, за исключением того, что он мало разговаривает и никогда не улыбается... проклятье, – герцог удивлённо вслушался в собственные слова, – а ведь и правда, я не видел, чтобы он, когда – либо смеялся. Его постоянно гложет некая печаль, это видно, однако, – продолжал герцог, возвращаясь к прерванной мысли, – я считаю его вполне достойным внимания моей кухни и...

Обе девушки затаив дыхания, смотрели на герцога. Тот не замедлил закончить.

– Я клянусь сделать всё возможное, дабы соединить два любящих сердца.

– Кузен, брат – два голоса, один радостный, другой счастливый, разделись одновременно.

– И начну действовать немедленно – с загадочной улыбкой на устах, герцог поднялся со своего места.

– Что вы намерены сделать? – живо спросила Мария.

Предложить руку моей кухни, счастливцу, которого я видел не более как час назад. Он стоял на корме и вглядывался в горизонт. Вероятно, разглядывая образ кухни в причудливых облаках.

– Королева не позволит – упавшим голосом вымолвила Мирианда, – благодарю вас, но....

Герцог Барский с необычайной пылкостью перебил кухню.

– Уж не думаете ли вы кухня, что я не смогу убедить собственную мать? Надейтесь, ибо я дал вам слово и сделаю всё, для того чтобы ваша мечта сбылась.

С этими словами герцог покинул каюту, оставив бедную Мирианду в состоянии близкого, к полному отчаянию и робкой надежде.

Видя по лицу кухни, как она переживает происходящее, Мария постаралась приложить все усилия к тому, чтобы успокоить её. Они провели два часа в душевной беседе, в которой слышались попеременно, то возгласы отчаяния, то шёпот надежды, то смех счастья.

Когда герцог Барский возвратился, на нём не было лица. Чрезвычайная бледность покрывала каждую его чётточку.

– Королева отказала? – казалось, обе девушки высказали этот вопрос, хотя слетел он с губ Марии.

– Согласилась! – негромко ответил герцог и не выдержав взорвался, – он отказался, это ничтожество...отказался. Подумать только, он посмел отказаться от партии, которая сделала бы честь любому, включая принцев крови, а этот наглый выскочка посмел отказаться. Мне вначале показалось, что я ослышался. По моему мнению, этот дворянишка, должен был прыгать от радости, и я решил ещё раз объяснить, что ему предлагаю, так он и слушать не стал. И не только отверг твою руку кухня, но и сделал это с таким видом, будто он по меньшей мере ровня нам... выскочка, негодяй... так оскорбить... я научу вежливости этого изнеженного молокососа. Да, научу...

Мирианда, не став дальше слушать, бросилась вон из каюты.

– Мирианда – окликнула, было, её Мария, но та уже выбежала на палубу.

Мирианда сразу увидела предмет своих вожделений. Санито де Миран, стоял на корме и вглядывался в горизонт.

С замирающим сердцем и бурно вздымающей грудью, Мирианда остановилась в нескольких шагах позади него. Санито де Миран, был немного выше среднего роста и на редкость хорошее сложен. Это было заметно по статной фигуре, которую плотно облегал, не богатая, но опрятная одежда. Поперёк спины висела перевязь, на которой висела шпага. Мирианда задержала взгляд на длинных волосах, которые доходили ему до плеч и скатываясь волнами, закрывали затылок. У Мирианды сердце заныло. Вот он здесь такой близкий и в то же время такой чужой.

Словно почувствовав её, незнакомец обернулся.

Да... нетрудно было понять Мирианду, ибо незнакомец обладал такой красотой и физической притягательностью, что мог кого угодно влюбить в себя, при этом, не прикладывая ни малейших усилий. Глубокая печать грусти, отражённая на его лице, застывшая в его светло-зелёных глазах, придавала ему некую таинственность и особое очарование.

При виде Мирианды, Санито де Миран, легко поклонился. Когда он выпрямился, на его лице мелькнула тень отчуждения, которая не укрылась от Мирианды.

– О, прошу вас сеньор, – голос Мирианды слегка дрожал, когда она заговорила с тем, кто стал для неё дороже самой жизни, – прошу вас, не принимайте мою настойчивость за попытку навязать вам что-либо. Я пришла единственно из-за того, чтобы попросить прощения за моего кузена. Прежде, чем предлагать мою руку, следовало спросить вас, какие чувства... – у Мирианды, словно комок застрял в горле при этих словах, но она справилась с собой ценой огромных усилий и продолжала почти ровным голосом, – какие чувства испытываете по отношению ко мне – вы. Простите ещё раз и позвольте надеяться, что у вас не останется по отношению к нам, неприязни или неловкости.

По мере того как она говорила, взгляд де Мирана стал меняться. Он с участием смотрел на Мирианду. И едва она повернулась, чтобы уйти, раздался его голос, тихий и мягкий.

– Это я должен попросить прощения, сеньора!

Мирианда резко обернулась и живо возразила;

– Нет сеньор!

– Вы страдаете, я вижу!

– Вы ошибаетесь!

– Вы лжёте сеньора, ибо я вижу ваши страдания, так же ясно, как читаю в ваших глазах и вашем сердце...

– Что вы себе позволяете? – раздался резкий голос герцога Барского, который не выдержав, вышел вслед за кузиной и слышал слова де Мирана, но истолковал их по своему.

– Как смеете вы упрекать мою кузину во лжи? Вы дважды оскорбили кузину, вам нет прощения... доставайте шпагу сеньор, и мы посмотрим, настолько ли хорошо вы умеете орудовать ею, или же лишь ваш язык способен на уколы.

Герцог Барский выхватил из ножен шпагу, занимая позицию. К нему бросилась Мирианда.

– Кузен, клянусь вам, вы ошиблись...

Отойдите кузина, клянусь честью, этот наглец ответит мне за все – вскричал разгневанный герцог, одной рукой отодвигая Мирианду, которая стояла между ним и де Мираном, – доставайте шпагу сеньор или клянусь честью я подумаю, что вы испугались...

Возле них начала собираться небольшая толпа матросов. Мария Анжуйская, привлечённая шумом вышла из каюты и стала свидетельницей вызова, который бросил де Мирану – её брат. Никто не заметил в пылу назревавшей ссоры появление высокорослого человека. Человек, обладающий довольно внушительным ростом и сложенный словно Геркулес, был отвратительно уродлив. Лицо этого человека, являлось сплошным месивом, ибо несколько десятков

глубоких шрамов придавали ему столь чудовищный вид, что оно могло внушить ужас, даже самому смелому человеку. К тому же, он обладал всего лишь одним глазом. Вместо второго зияла белая пустота, отчего его лицо внушало ещё больший ужас. Так вот этот человек незримо появился рядом с де Мираном, словно его ангел хранитель. Но никаких слов он не изрёк, ожидая, что ответит сам де Миран. И тот ответил.

– Сеньор! – с уважением в голосе ответил де Миран, обращаясь к герцогу Барский, – я прошу прощения за мои слова. Клянусь вам, что вы неправильно истолковали их истинный смысл.

– Доставайте шпагу! – закричал герцог, – с меня хватит разговоров.

– Прошу прощения сеньор, но я не стану с вами драться, что бы вы обо мне не думали. Я извинился перед вашей кузиной, если этого недостаточно, я ещё раз попрошу прощения.

– Вы трус! – закричал ему в лицо герцог Барский.

Рука де Мирана не произвольно схватилась за шпагу. В глазах на мгновение вспыхнул мрачный огонь, но тут же погас.

– Считайте, как вам угодно сеньор!

Де Миран отвернулся от герцога и вновь стал рассматривать горизонт.

Небольшая волна накрыла корабль. Все вокруг задвигались, хватаясь за предметы, способные удержать их на месте.

– Боже кузина и такое ничтожество внушило вам такие возвышенные чувства? – Герцог Барский сопроводил свои слова презрительным взглядом в сторону де Мирана. – Пойдёмте отсюда и послушайтесь доброго совета кузина – забудьте этого ничтожного труса.

Де Миран резко обернулся. Взгляд его вспыхнул таким мрачным огнём, что присутствующие неосознанно стали отступать назад.

– Остерегитесь ещё раз повторить это слово сеньор!

В его голосе слышалось нечто такое, что не позволило герцогу далее оскорблять де Мирана.

Герцог повернулся и пошатываясь от качки, направился в свою каюту. Мирианда хотела заговорить с де Мираном, но он вновь отвернулся, и ей ничего не оставалось, как последовать вслед за герцогом Барским и Марией. В каюте их ожидала обеспокоенная королева.

– Что произошло, хотела бы я знать? – в упор, глядя на сына испытывающим взглядом, спросила она.

– Ничего матушка, ровным счётом ничего! – отвечивал герцог Барский.

А на корме, великан, которого отныне мы будем называть Коринет, единственным глазом, в котором читалось одобрение, поглядывал на де Мирана.

– Я поступил так, как считал правильным, – не оборачиваясь к нему, обронил де Миран.

– Я знаю! – Коринет обладал весьма грубоватым голосом.

Де Миран молча кивнул головой, а чуть погодя, вглядываясь в бескрайний горизонт, прошептал:

– Завтра утром, мы будем во Франции! Мы будем дома!

Глава 14

Около восьми часов утра следующего дня, фрегат принял на борт лоцмана и через два часа без всяких осложнений пришвартовывался в порту Марселя. В порту стояли десятки судов, тысячи людей сновали по пристани, отчего её вид больше напоминал муравейник. Сотни разнообразных товаров грузились и разгружались на корабли. Пристань была забита грудями бочек и мешков. Среди всего этого шума и беспорядка, де Миран и Коринет сошли на берег. Благо, они приехали налегке, почти без багажа, чего нельзя было сказать о королевской семье. Им понадобилось около четырёх часов, чтобы слуги вынесли весь багаж с корабля и погрузили его в кареты.

Де Миран, не мог уехать, не выразив благодарности королеве, которая милостиво разрешила ему плыть на корабле. По этой причине, он вместе с Коринетом, стали дожидаться появления королевы Кастилии, дабы поблагодарить и попрощаться с венценосной особой.

Де Миран нашёл укромное местечко на пристани. Устроившись на мешках среди груды бочек, неподалёку от места, где шла разгрузка корабля, он, чтобы занять время, стал следить за работой портовых рабочих, которые по широкому трапу закатывали тяжеленные бочки на борт одного из кораблей. Около часа его занимало это занятие, но потом всё изменилось. Внимание Де Мирана привлекли два человека среднего возраста. Они стояли в пятидесяти шагах от места, где он сидел, и смотрели так же как он, на разгрузку корабля, с которого он сошёл. Оба человека носили форму копейщиков, а Андреевские кресты на плащах ясно указывали на принадлежность этих людей к Бургундскому дому. Они оживлённо разговаривали, стоя возле кареты, у которой была отворена дверца. Один из двоих носил отличия капитана копейщиков. Де Миран не сводил с них взгляда, который мрачнел всё более и более. Разглядывая пристально капитана бургундских копейщиков, де Миран неожиданно напрягся, словно что-то вспоминая, а потом вскочил с места, словно собираясь бежать к нему, но был остановлен могучей рукой своего спутника.

Де Миран бросил на него такой взгляд, что Коринет не только убрал руку, но и отодвинулся на приличное расстояние. С минуту де Миран что-то обдумывал, а потом направился в сторону людей, привлёкших его внимание. Он не пошёл прямо, а начал петлять среди груды мешков, разного рода утвари и всего прочего, которого здесь, в порту лежало навалом. Пока он приближался, возле трапа корабля появилась Мария Анжуйская. Спутник капитана бургундских копейщиков бросился к трапу и подав руку, помог сойти принцессе. Появилась Мирианда Мендос. Де Миран ускорил шаг. Навстречу Мирианде Мендос двинулся капитан копейщиков. Едва, он собирался подать руку Мирианде Мендос, для того чтобы помочь ей сойти с трапа, как рядом с его рукой оказалась рука де Мирана. Оба протягивая руки, ожидали на какую именно обопрется герцогиня. Стоит ли говорить, какие чувства испытала Мирианда, увидев руку де Мирана. Не в силах скрыть яркий румянец на щеках, она вложила свою руку, в руку де Мирана, испытывая при этом головокружительную радость, ибо почувствовала как её руки касается другая рука – рука де Мирана. За этой сценой наблюдали несколько человек. Герцог Барский, стоявший возле трапа и собирающийся спуститься. Мария Анжуйская, которая стояла рядом с человеком, который так любезно помог ей и которая не могла скрыть удивления по поводу действий де Мирана и в конце концов, сам капитан бургундских копейщиков, который взирал на де Мирана с явной не дружелюбностью и который сразу окликнул де Мирана, едва тот проводил обомлевшую Мирианду до Марии Анжуйской.

– Сударь!

– Вы меня имеете ввиду? – в голосе де Мирана послышался лёгкий испанский акцент, когда он обернувшись, ответил капитану копейщиков.

– Не находите ли вы, что поступок ваш чрезвычайно смел, если не дерзок?

– Прошу прощения! – приняв удивленный вид ответил де Миран.

– Опять он просит прощения! – пробормотал вконец разочаровавшийся герцог Барский.

– Я говорю о том, сударь, – продолжал гневно капитан бургундских копейщиков, – что вы оскорбили меня при даме и полагаю, оскорбили умышленно.

Все ожидали извинений от де Мирана, но ответ, который дал де Миран, капитану копейщиков удивил тех, кто услышал его.

– Именно сударь. Не могу отрицать, что вы правильно расценили мой поступок. Я оскорбил вас намеренно!

– Юнец – презрительная улыбка скривила губы капитана бургундских копейщиков, – раз тебе хочется умереть, – он вытащил из ножен шпагу, занимая позицию в десяти шагах от пришвартованного корабля, рядом со спущенным трапом.

Герцог Барский буквально скатился по трапу, занимая место среди маленькой толпы зрителей, которые уже начали собираться, предчувствуя скорую дуэль, и занял место, между сестрой и кузиной.

Толпа портовых рабочих не прекращала работу, но их головы всё чаще и чаще поворачивались в сторону разгоравшейся ссоры.

– Останови дуэль, он же погибнет! – прошептала умоляющим голосом Мирианда обращаясь к герцогу Барскому.

– И не подумаю, даже если б смог! – буркнул в ответ герцог Барский, не сводя взгляда с де Мирана. Де Миран спокойно вытащил шпагу и занял позицию напротив капитана бургундских копейщиков.

– Ты молился Лануа?

Капитан копейщиков, едва не выронил шпагу от удивления. Он по-новому посмотрел на своего соперника.

– Ты меня знаешь? Откуда? Я не припомню тебя...

– О, ты меня не узнаёшь, но я тебя никогда не забывал!

– Кто ты?

– Санито де Миран! – последовал ответ.

– Так умри, Санито де Миран, – закричал Гийом де Лануа, а это был действительно он, бросаясь в атаку.

Прямой удар в грудь, де Миран парировал без усилия. Лануа, взбешенный этой неудачей, а ещё более словами де Мирана, бросил все силы на подавление его защиты. Но чем быстрее и упорнее наседали Лануа на де Мирана, тем спокойнее фехтовал последний. Казалось, он почти не прилагает усилий к тому, чтобы вести защиту. Лануа нанёс хитрый, обманный удар, конечная цель которого была шея де Мирана. Молниеносно отбив этот удар, де Миран атаковал. Лануа не успел отскочить назад и вследствие этого на его щеке появился глубокий разрез, из которого обильно потекла кровь. Противники на время остановились.

– Будь я проклят! – прошептал герцог Барский, который неотрывно следил за поединком, – Санито превосходно фехтует и прими он мой вызов, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось.

Тем временем поединок возобновился. Лануа покрылся потом, отбиваясь от атак де Мирана, который не только фехтовал, но ещё и успевал разговаривать во время поединка.

– Не желаете ли помочь своему другу? – спрашивал де Миран, обращаясь к спутнику Лануа. – Я не против обнажить шпагу, против вас двоих одновременно. Признаться, мне даже скучно фехтовать с вашим другом. Сейчас я проткну ему плечо... вот видите. Я же говорил... – это восклицание вырвалось у де Мирана после того, как его шпага сделав целый каскад обманных движений вошла в левое плечо Лануа. Тот отступил. Из плеча, как из щеки полилась кровь. Лануа почувствовал, что слабеет.

Де Миран вновь повернулся к спутнику Лануа.

– Я убью вашего друга, если вы не поможете ему! – предупредил он.

– Будь ты проклят! – вскричал в ярости бургундец и достав шпагу, бросился на де Мирана.

– Кузен! – вскричала Мирианда при виде этой несправедливости.

– Он сам желал этого!

– Его убьют кузен, он неминуемо погибнет, сделайте же что-нибудь – взмолилась Мирианда.

Что-то мне подсказывает, что ты ошибаешься кузина, – пробормотал герцог Барский.

Не успели отзвучать эти слова, как на их глазах облик де Миран преобразился. Вместо насмешливого и равнодушного человека, перед ними предстал другой.

Глаза его горели столь мрачным огнём, что свидетели этой сцены невольно содрогнулись. Весь облик пылал гневом и ненавистью, но едва он снова вступил в бой одновременно, против двоих и его облик и движения стали похоже на дьявольский огонь. Который то вспыхивает, то гаснет, но лишь потому, что должен вспыхнуть ещё ярче.

Его шпага замелькала с такой быстротой и он показал столь безумную скорость движений. Что меньше чем, через минуту, спутник Лануа пал мёртвый от прямого удара в грудь, который пронзил его сердце. Ещё через мгновение, острое шпаги де Мирана вошла в горло Лануа. А вышла из шеи. Он выдернул шпагу и достав из кармана платок, вытер её, а затем уже чистую вложил в ножны.

– Бог ты мой – прошептал потрясённый герцог Барский, – да в этом человеке воплощены все силы ада. Кроме великолепного мастерства и безумной отваги у него есть нечто... которое даже меня приводит в ужас.

– Сеньор! – окликнул де Мирана, герцог.

Де Мирана, уже с обычным выражением лица подошёл к герцогу.

– После того, что я видел, мне остаётся попросить прощения за свои слова!

– Это излишне! – отозвался де Миран.

– И всё же, почему вы не приняли мой вызов?

– А разве вы не пытались помочь вашей кузине? – негромко спросил де Миран, – разве вы не пытались, как вам казалось сделать меня счастливым? Возвысить безвестного дворянина до герцогини?

– Хотел! – признался герцог, – но у меня ничего не вышло.

– Не потому, что герцогиня не заслуживает любви! – Де Миран бросил красноречивый взгляд в сторону Мирианду. – Она прекрасна и лишь безумец, или глупец откажется от счастья назвать ее своей супругой.

– Но вы ни тот и ни другой?!

– Нет! Будьте любезны передать её величеству мою самую искреннюю благодарность и заодно позвольте откланяться!

Де Миран отвесил лёгкий поклон герцогу Барскому и два более глубоких Мирианде Мендос и Марии Анжуйской, затем повернулся и не оглядываясь зашагал прочь.

– Он меня не любит, он меня не любит, – Мирианда закрыла руками лицо и уткнулась лицом в плечо Марии Анжуйской, которая как могла пыталась утешить её.

– Разве? – вопрос герцог Барского был направлен Мирианде, – я слышал другое.

– И что же ты слышал? – спросила Мария Анжуйского у брата.

– Что он полюбил бы если смог! – негромко ответил герцог барский. – Впрочем, для меня ясно одно, вернее две вещи. Первое – он мог принять мой вызов, а судя по тому, что мы видели, он мог не сомневаться в победе. Человек способный вызвать на дуэль, одновременно двоих, к тому же военных, то есть людей, которые всю жизнь проводят в сражениях... и он же выносит оскорбления в свой адрес, – герцога Барского словно озарило, он так посмотрел на своих кузин, что они невольно попятились от него назад.

– Он не хотел меня убивать! – воскликнул герцог Барский, – и желание сохранить мою жизнь было столь велико, что он вынес оскорбления. Вот тебе святой Педро! И что же из этого следует? Что я у него в долгу, раз, – герцог загнул один палец, потом поскрёб затылок, – проклятье, что же ещё...ах да...мы ему вовсе не безразличны и... он оставил множество вопросов на которых, увы у меня нет ответа.

– Бедный брат – засмеялась Мария Анжуйская, – судьба Санито де Мирана, занимает вас едва ли не больше, чем дражайшую кузину. Берегитесь! Ещё немного и она начнёт вас ревновать!

Все трое расхохотались над словами Марии.

Вскоре после этого разговора, они отправились в гостиницу, где провели ночь. На утро, в сопровождении слуг и небольшой охраны, они выехали по направлению в Париж.

Глава 15

Запыленный всадник натянул поводья у деревянной калитки, служившей малым входом в женский монастырь. Ключи, что находился в Бургундии, являлся не одной лишь обителью, которая принимала в своё лоно страждущие души девушек и женщин, жаждущих посвятить свою жизнь господу богу. В монастыре так же жили воспитанницы, девочки в основном от шести до семнадцати лет. Девочки в основном являлись детьми знатных семей, составляющих основу бургундского дома. Здесь они получали воспитание и знания до достижения ими совершеннолетия, или же достижения брачного возраста, что чаще всего случалось раньше достижения совершеннолетия. После этого они покидали стены монастыря и дальнейшая их жизнь протекала соответственно положению, которое занимала семья при дворе, или же семья будущего супруга.

В монастыре Ключи, обитали около тридцати воспитанниц и почти четыреста монахинь, включая и тех, кто нашёл временный приют в монастырских стенах. Сам монастырь занимал довольно большое по территории пространство. Он был расположен у подножья горы на небольшой возвышенности. К нему вела всего лишь одна дорога, не считая узкой тропинки, которая спускалась с горы, напрямик к монастырю. Таким образом, любой, кто появлялся возле монастырской двери, бывал заблаговременно замечен. И прежде чем рука тянулась к молотку.

На сей раз, возле двери спешил запыленный всадник. Дверь монастыря открылась и оттуда показалась монахиня со сложенными руками.

Всадник приблизился к монахине и после того, как почтительно приветствовал сестру, сообщил, что у него неотложное дело к настоятельнице. Без лишних вопросов монахиня проводила его до часовни монастыря, где благочестивая мать-настоятельница возносила молитвы господу богу.

Пришедший дождался, пока настоятельница закончит молитву, а затем молча протянул запечатанный свиток. Настоятельница приняла послание и распорядившись накормить гонца, отправилась в свою келью, где со всей внимательностью прочитала его. Письмо расстроило настоятельницу. Глаза были полны слез, когда она закончила читать. По этой причине, мать-настоятельница некоторое время просидела в келье, а затем лишь успокоившись, отправилась в монастырский сад, где чаще всего проводили время монастырские воспитанницы.

Внезапное появление настоятельницы, которое отнюдь не имела привычки появляться в саду, застало врасплох воспитанниц. Около пятнадцати девочек, совершенно разного возраста, разбившись на группы щебетали в саду. Иначе не скажешь. Настолько гармонично они выглядели на фоне цветников и деревьев, с веток которых перелетали маленькие птички, чем то напоминающие их самих. В стороне от всех, две совершенно разные девочки, которым едва минуло шестнадцать лет, кружились в непонятном танце. Обе были облачены в платье с незатейливыми узорами. Первая была высокая, черноволосая девушка 17 с довольно выразительным лицом. Вторая белокурая, с ангельским лицом и мягкой улыбкой. Зеленоватые глаза сверкали, словно две чарующие звёздочки. Луизе напоминала бутон дивного цветка, который вот-вот должен раскрыться и поразить всех вокруг своей красотой. Все её движения были легки и плавны. Она словно порхала в танце. Девушки постоянно выдавали различные «па» и при этом так заливисто смеялись, что и настоятельница не сдержала улыбки. Некоторое время она, замеченная всеми остальными воспитанницами, кроме этих двоих наблюдала за ними, а потом, прервала веселье девушек.

– Шарлота! Луиза!

Девушки едва не упали, внезапно услышав голос настоятельницы. Они перестали танцевать и встав рядом, приседая в реверансе, одновременно ответили;

– Да матушка!

– Герцог Бургундский, твой почтенный отец прислал письмо! – мягко произнесла настоятельница.

В голосе настоятельница прозвучала лёгкая грусть, но девочки не заметили этого. Они переглянулись между собой и столько надежды было в их взглядах, что настоятельница не стала оттягивать разговор, а коротко сообщила.

– Дитя моё, твоё воспитание в монастыре закончилось! Отец призывает тебя в Париж!

– Матушка! – Луиза бросилась на шею настоятельница от радости.

Отстранив от себя Луизу, настоятельница с укором взглянула на неё.

– А я и не думала, что жизнь в нашей обители настолько тяготит тебя.

– Что вы матушка? – Луиза покраснела, чувствуя стыд за своё поведение, – ближе вас и Шарлоты у меня никого нет. Все эти годы, вы были рядом со мной.

– Знаю дитя мое! – мягко ответила настоятельница, – знаю и понимаю твои чувства. Мирская суeta притягивает многих, однако, я не всё сказала. Меньше, чем через два месяца в Париже состоятся празднества в честь 18-летия Дофина. Во время этих празднеств, состоится твоя свадьба Луиза. Герцог Бургундский отдал твою руку герцогу Бедфорду. Джон Ланкастер приходится кузеном королю Англии и занимает высокое положение при дворе. Ты станешь одной из первых дам Англии, после королевы разумеется. Завтра тебе надлежит отправиться в Дижон. Оттуда ты отправишься в Париж, где и состоится твоя свадьба. Позже я навещу тебя в келье и мы поговорим перед твоим отъездом, дитя моё.

После ухода настоятельница, девушки обнялись весело хохоча. У Луизы кружилась голова от такого количества новостей. Воспитанницы, с нескрываемой завистью смотрели на неё. Все, за исключением Шарлоты, которая радовалась переменам в жизни Луизы, едва ли не больше, чем она сама.

После вечерней молитвы, настоятельница монастыря, почтенная аббатиса пришла в келью Луизы. Справедливости ради, надо заметить, что комната Луизы отличалась богатым убранством в сравнении с остальными кельями монастыря, в которых обитали монахини и послушницы. Здесь имелась кое-какая мебель, включая шкаф для одежды. Аббатиса села на единственную кровать, стоявшую под маленьким, четырёхугольным окошечком, а Луиза сразу же примостилась у её ног. Неторопливыми движениями, аббатиса начала расчёсывать длинные, белокурые пряди, время от времени поглаживая их рукой. Аббатиса испытывала грусть от мысли, что придётся расстаться с Луизой. Но она всегда знала, что такой день наступит. Луизу привели к ней шестилетней девочкой. Все эти десять лет, аббатиса лично следила за воспитанием Луизы. Наставляла, поддерживала, сидела по ночам у изголовья постели, когда девочка болела. За эти годы, аббатиса привязалась к ней, и не могла, не замечать, что Луиза платит взаимностью. Аббатиса так же понимала, что несмотря на привязанность, Луиза стремиться к новой жизни. И её долг дать последнее наставление Луизы перед расставанием.

– Дитя мое! – негромко заговорила аббатиса.

– Да матушка! – сразу откликнулась Луиза.

– Тебя впереди ждёт жизнь, совершенно отличная от той, что ты видела в обители. В мирной суete много соблазнов. Искушения бывают иногда слишком велики. Не всегда удаётся выстоять, не поддаться ему. Человек так слаб, дитя моё. И вера – единственное, что может защитить нас от греха.

– Я не понимаю вас матушка!

– Запомни, дитя моё, твоя душа принадлежит господу, а тело супругу, предназначенного тебе отцом.

– Я знаю, матушка!

– И никто не должен помешать тебе, выполнить свой долг – стать хорошей супругой и хорошей матерью. Твоя честь принадлежит супругу. Поступишься ею – оскорбишь и супруга, и отца своего, лишишь их чести.

– Вы имеете в виду измену, матушка?

– Святая дева Мария! – аббатиса всплеснула руками, – я не хотела произносить это богопротивное слово, однако именно это я имела в виду.

– Клянусь вам матушка! И призываю в свидетели святую Деву Марию. Клянусь в том, что моим телом будет обладать лишь мой супруг и никто более. Пусть я умру, но клятвы своей не нарушу. Никогда!

– Не пристало юному созданию говорить о смерти, – назидательно начала было аббатиса, но потом внезапно улыбнулась и с нежностью погладила рукой по голове Луизы, – я безмерно рада, ибо правильно воспитала тебя.

Луиза обернулась к аббатисе и с глубокой признательностью произнесла;

– Я никогда не забуду вашей доброты матушка. За эти годы, вы стали мне самым близким человеком. Я горячо полюбила вас и считаю вас, своей матерью. Клянусь вам матушка, вы никогда не услышите обо мне ничего, что может разочаровать вас. Клянусь вам, я буду достойна ваших стараний, ваших ожиданий и вашей любви.

Аббатиса вернула голову Луизы в прежнее положение, ибо меньше всего на свете желала, чтоб Луиза видела, как она расчувствовалась после её слов.

Луиза с полуслова поняла аббатису, как впрочем, и всегда. Между ними, никогда не возникало непонимания. Закончив, расчёсывать волосы Луизы, аббатиса встала. Луиза поднялась вслед за ней. Глядя с материнской нежностью в глаза Луизы, аббатиса протянула ей золотой медальон, на котором, рукой умелого чеканщика была изображена – святая дева Мария с новорождённым Иисусом Христом на руках.

– Этот медальон освещён самим Папой. Ему более пятисот лет. В тебе я уверена дитя моё, но есть ещё Провидение, а оно не всегда благосклонно к нам. Святая дева Мария будет оберегать тебя.

Аббатиса перекрестила Луизу и лишь после этого, повесила ей на шею медальон.

– А теперь постарайся выспаться, дитя моё, утром тебе предстоит дорога.

– Матушка! – Луиза обняла аббатису, – не забывайте меня!

Глава 16

На следующий день, когда Луиза Бургундская покидала стены монастыря, в садах, примыкающих ко дворцу Сен-Поль, царило необычное оживление. Королева решила прогуляться по саду и вследствие этого обстоятельства почти все придворные ринулись без промедления в сад. Благо погода стояла тёплая. На небе не было ни единого облачка, что несомненно способствовало пешим прогулкам, что в свою очередь доставляло удовольствие королеве, а следовательно и двору. Да и кто бы отказался от прогулок между аллей, наполненных благоуханием цветов. Аллей с причудливыми зигзагами и укромными скамеечками, спрятанными меж ветвей густых деревьев. Придворные, разбившись на группы, горячо обсуждали последние новости. А самой последней новостью, был приезд Кастильской королевской семьи, которая прогуливалась здесь же, по одной из аллей. Придворные бросали украдкой взгляды на троицу, которая медленно двигалась по алле и иногда останавливалась, чтобы оценить достоинства особо понравившегося цветка. О чём они беседовали? Видимо, это обстоятельство весьма волновало двор, ибо с первой минуты своего приезда, это троица не разлучалась и постоянно о чём то шепталась. А иногда и столь горячо спорила, что голоса становились слышны окружающим. Но понимая, что суть их спора не должно стать общеизвестным, они тут же замолкали и продолжали ещё тише обычного, чем возбуждали более чем непомерный интерес придворных. Поглощённые наблюдением за таинственной беседой этой в высшей мере странной троицы, почти никто не заметил появление герцога Бургундского, который был весьма раздражён. Не получив привычные знаки внимания, которыми его оказывал двор всякий раз, как только он появлялся, герцог Бургундский и вовсе разозлился. Однако, долго его плохое настроение не продержалось. Заметив в конце аллеи, по которой он шёл, край зелёного королевского платья, герцог довольно улыбнулся и немедленно отправился вслед за королевой. Однако, хорошее настроение, едва появившееся у герцога, вновь покинуло его, когда он дошёл до конца аллеи и увидел королеву, восседающую на белой скамейке, что стояла в укромной беседке. Рядом, слегка наклонившись, стоял герцог Бедфорд и говорил видимо нечто очень приятное. Герцог Бургундский сделал этот вывод, когда увидел, что королева улыбается герцогу Бедфорду. Вновь ощутив раздражение, герцог Бургундский направился к ним. Предварительно, не забыв, изобразить на лице улыбку.

– Я польщён, – говорил герцог Бедфорд, – позвольте и мне сказать, слухи о вашей красоте выглядят весьма скромными, по сравнению с тем, что осмеливаются лицеизреть мои глаза.

Кстати сказать, герцог Бедфорд ничуть не льстил королеве, ибо достигнув 45 лет, она ещё считалась одной из самых красивых женщин, и не только во Франции.

– Вы мне льстите герцог, – королева расправила складки своего платья, занимая более удобное положение и кокетливо улыбнувшись добавила. – А вот и герцог Бургундский!

Герцог Бургундский поклонился королеве и обменялся поклонами с герцогом Бедфордом.

– Вы выглядите неотразимо Мадам, – герцог Бургундский как то по особенному произнёс эти слова.

– То же самое говорил милорд Бедфорд!

– Вот как? – герцог Бургундский хмуро посмотрел на своего будущего зятя.

Тонко почувствовав, что он вмешивается в сугубо личные отношения, Бедфорд изменил тему разговора.

– Король поручил мне определить дату бракосочетания с Екатериной Валуа. Он желает ускорить события и предлагает конец этого месяца.

– Наш кузен, Генрих, всегда был излишне нетерпелив, – заметила вскользь королева, – однако мы ничего не имеем против такого оборота событий. Не так ли монсеньор? – королева

неспроста обратилась с этим вопросом к герцогу Бургундскому. Его мнение играло чуть ли не главную роль.

Герцог Бургундский кивнул головой.

– Полагаю, мы можем пойти навстречу его величеству. Однако, возникает немало вопросов, связанных с предстоящим бракосочетанием его величества и принцессы Екатерины. В особенности, я бы отметил два из них, наиболее важные. Вопрос регентства и вопрос земель. И я желал бы обсудить эти вопросы, до заключения брака.

– Прежде чем приступить к обсуждению этих, весьма серьёзных вопросов, – осторожно заговорил герцог Бедфорд, – хочу напомнить некоторые факты. Прежде всего, наша армия в настоящее время осаждает Руан. С его падением, мы получаем всю Нормандию и свободную дорогу на Париж. Излишне говорить о том, что знает каждый. Во Франции нет сил способных остановить наше продвижение. Впрочем, если такие попытки будут иметь место, они закончатся так же, как завершилось сражение при Азенкуре. Следовательно, даже весьма поверхностный анализ показывает, что Франция слишком слаба, чтобы оказывать сопротивление нашей армии, значит и условия выставлять она не должна. Но это вовсе не означает, что король отказывается вести переговоры, – тут же поправил себя Бедфорд, краем глаза наблюдая за выражением лица герцога Бургундского.

Герцог Бургундский взглянул на королеву. Она дала понять, что он может говорить и от её имени. Они не раз обсуждали брак Екатерины и придерживались одного мнения.

– Высказывайтесь яснее, милорд! Его величество намерен обсудить с нами интересующие нас вопросы, или нет?

– На этот вопрос сложно ответить монсеньор! – Бедфорд ушёл от прямого ответа, – от его величества зависит не так много, как вам кажется. Возможно, он смог бы помочь в решении вопросов, о которых вы упоминали. Однако, существует Дофин. Король не может игнорировать наследника престола.

Скрытый смысл, содержащийся в словах Бедфорда поняли и королева, и герцог Бургундский.

– А если предположить, что Дофина не существует?

– Думаю, его величество пойдёт вам навстречу! Но это всего лишь предположение. Дофин существует. Мадам! – Бедфорд поцеловал руку королевы и уже покидая их сказал, обращаясь к герцогу Бургундскому.

– Надеюсь, монсеньор, в ближайшее время представиться вашей прекрасной дочери!

Бедфорд покинул их, давая возможность обсудить то, о чём никто не сказал, но тем не менее все думали.

– Я никогда его не любила! – заметила вслед уходящему Бедфорду, королева.

– О ком вы мадам? – не понял герцог Бургундский.

Я думаю, вы знаете, ответ на этот вопрос! – последовал ответ королевы. Поднявшись, она взяла герцога Бургундского под руку и произнесла обычным голосом, словно предыдущего разговора и не происходило.

– Придворные ждут нашего появления. Не будете ли вы столь добры, любезный друг, проводить меня до нашей любимой скамеечки, что возле фонтана?

– Мадам! – герцог Бургундский не мог скрыть довольной улыбки, – с превеликим удовольствием.

Ответ герцога Бургундского прозвучал двусмысленно, ибо непонятным оставалось, на какой же вопрос королевы он отвечал. Герцог бургундский, не торопясь, проводил королеву до её любимой скамеечки, где уже собирались придворные. Он с учтивостью придворного, помог королеве удобно устроиться и лишь после этого отпустил её руку, вставая рядом.

Принимая поклоны от многочисленных придворных, герцог Бургундский первым приветствовал появление герцога Барского с принцессами Марией и Мириандой. Они раскланя-

лись и произнесли несколько подходящих случаю слов, которых требовала учтивость. Королева благосклонно взирала на короткий диалог могущественного друга с Кастильским принцем и принцессами крови. Когда обмен любезностями завершился, королева пригласила их сесть. Герцог Бургундский устроился рядом с королевой, а наша троица расположилась, справа от скамейки королевы. Придворные тут же окружили королеву и герцога Бургундского, осыпая их потоками лести и завязывая лёгкий ничего не значащий разговор, который по своей сути не имел смысла, но безусловно тешил самолюбие королевы и герцога Бургундского.

Всякий в Париже и за его пределами знал, какие отношения связывают эту пару. Герцог Бургундский занял место последнего любовника королевы, покойного Буа-Бурдена. Два года назад, король Франции, которого временно оставили приступы умопомрачения, навестил королеву. Несчастный король, болезнь была несомненно более привлекательна для него, ибо он застал в объятиях своей неверной супруги, Буа-Бурдена. Разгневавшись, король приказал посадить Буа-Бурдена в мешок. После того, как его приказание было выполнено и вышеозначенный оказался в мешке, король собственноручно сделал надпись на мешке, которая гласила «дорогу королевскому правосудию». После этого беднягу бросили в Сену. В дальнейшей его судьбе не приходится сомневаться. Заняв место покойного Буа-Бурдена, герцог Бургундский мог со спокойствием встречаться с королевой, ибо даже король Франции был не в силах наказать его, одного из самых могущественных людей, хозяина Парижа и многих провинций. С мнением, которого считались, императоры и короли. Вот таков был герцог Бургундский, принимавший с милостивой улыбкой комплименты и поглощённый своим величием настолько, что не заметил собственного канцлера.

Гилберт де Лануа, отвесив поклоны, встал чуть в стороне, ожидая, когда герцог бургундский обратит на него внимание. За прошедшие одиннадцать лет он почти не изменился. Лишь несколько морщин пролегли возле глаз, придавая его внешности более отталкивающее впечатление и разве скулы на лице немного обострились.

Глаза канцлера Бургундии были слегка прищурены, а взгляд быстрый и острый, выхватывал мгновенно любую деталь из протекавшего разговора.

Герцог бургундский, наконец, заметил присутствие канцлера.

– А, любезный Лануа пожаловал! – воскликнул герцог. – Видимо что-то произошло. Лануа никогда не приходит, за исключением серьёзных случаев. Раскрывайте ваши карты сударь, нам любопытно, что вас привело.

Лануа поклонился.

– С вашего позволения монсеньор, я хотел бы обратиться с нижайшей просьбой к герцогу Барскому!

– Ко мне? – герцог Барский уловив своё имя, удивлённо посмотрел на Лануа, которого видел впервые в жизни.

– Я совершенно забыл! – герцог Бургундский говорил обращаясь к герцогу Барскому, – видите ли кузен, в Марселе был убит мой капитан, который доводился родным братом нашему канцлеру. Не могли бы вы, прояснить картину произошедшего, чтобы могли судить о том, случайность ли это или преступление за которое следует строго наказать виновного.

При этих словах, Мирианда Мендос так сжала руку своего кузена, что он едва не вскрикнул от неожиданности. Он прекрасно понимал насколько взволновали эти слова кузину и не глядя на неё почти не сомневался, что она побледнела.

– Это была дуэль кузен! – невозмутимо с некоторой развязностью ответил герцог Барский. – Я сам был тому свидетелем. Вызов исходил от вашего капитана. К тому же справедливости ради, я не могу не сказать, что если кто и виноват, то это безусловно ваши люди, которые вдвоём напали на Санито де Мирана. К счастью – продолжал герцог Барский, не замечая мрачный взгляд Лануа, – ему удалось одолеть двух противников. И эта дуэль, несомненно, делает ему честь.

– Дуэль, – герцог Бургундский с сочувствием посмотрел на канцлера, – вам сударь стоит заказать мессу и забыть об этой истории.

– Милорд! – Лануа поклонился герцогу Барскому, – позволено ли будет мне задать вопрос вашему высочеству?

– Спрашивайте сударь, я к вашим услугам!

– Санито де Миран? Так, кажется, ваше высочество его назвали?

Герцог Барский кивнул головой.

– Скажите ваше высочество. Это молодой человек лет 20-25, со светлыми волосами и статной фигурой. К тому же необыкновенно хорош лицом?

– Вы его знаете? – герцог Барский не смог скрыть удивления, – я и не подозревал, что он прежде бывал во Франции.

Гилберт де Лануа в упор посмотрел на герцога Барского, на его губах заиграла зловещая усмешка.

– Благодарю вас ваше высочество, – сказал Гилберт де Лануа и продолжал, обращаясь к герцогу Бургундскому, – монсеньор, сегодня в семь часов по утру, человек с такой внешностью был замечен на улице мясников.

– Ну и пусть, нам то какое дело – отмахнулся герцог Бургундский, он не...

– Монсеньор, этот человек казнил Кабоша – главу гильдии Парижских мясников!

Герцог Барский встал со своего места и с презрением глядя в лицо Гилберту де Лануа бросил;

– Это наглая ложь. Санито де Миран – дворянин с ног до головы. Он не мог совершить убийства.

Но слова канцлера уже вызвали живейший отклик у придворных. Все потихоньку перешёптывались между собой, в то время как герцог бургундский напряжённо размышлял, а королева вертела в руках веер. Она опасалась вызвать неудовольствие герцога Барского, который столь рьяно защищал этого дворянина, хотя слова «хорош лицом» немного заинтриговали королеву.

– Следует разобраться в произошедшем – сказал, наконец, герцог Бургундский, – но прежде, мне бы хотелось услышать подробности этого убийства. Только этого нам не хватало. Это убийство всколыхнёт весь город.

Гилберт де Лануа был удовлетворён тем, какое направление принял разговор и поэтому не преминул затянуть петлю на шее Санито де Мирана.

– Кабошу отсекли голову возле порога его собственного дома!

Слыша столь неслыханное обвинение в адрес своего, как он считал друга, герцог Барский не стерпел и с гневной речью обратился к Гилберту де Лануа.

– Я понимаю ваш гнев сударь, однако мстить за смерть своего брата столь низким способом, не делает вам чести. Я совершённо убеждён, что Санито де Миран не из тех людей, которые убивают беззащитных горожан. Он из тех людей, которые в одиночку бросаются на врага, не считая сколько их. Он храбрец! И всякий кто скажет обратное – солжёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.